

...принять себя и наконец-то найти
свое место в жизни.

ДАНИЭЛА СТИЛ

КОНЕЦ ЛЕТА

Даниэла Стил

Конец лета

«ЭКСМО»

2006

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

Стил Д.

Конец лета / Д. Стил — «Эксмо», 2006

ISBN 978-5-04-094813-0

Динне было восемнадцать лет, когда она вышла замуж за обворожительного француза, адвоката Марка-Эдуарда. Теперь, в тридцать семь, у нее есть все, о чем только можно мечтать: деньги, красивый дом, дружная семья, увлекательное хобби и уверенность в завтрашнем дне. Но случайное знакомство с другим мужчиной запускает цепочку трагических событий, которые перевернут такую благополучную, устоявшуюся и привычную жизнь. Пройдя через страшную потерю, предательство и обман, Динна будет вынуждена найти в себе силы начать все с чистого листа, поверить в себя и побороться за простое человеческое счастье.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-094813-0

© Стил Д., 2006

© Эксмо, 2006

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	23
Глава 3	31
Глава 4	37
Глава 5	43
Глава 6	48
Глава 7	54
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Даниэла Стил

Конец лета

© Денякина Е., перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Моим дорогим Беатрикс и Николя

Лето пришло,
Как легкий
Шепот ветра
В ее волосах.
Если бы он
Любил,
И мечтал,
И остановил карусель
До того,
Как услышал
Ее откровение,
До того, как
Вернул юность и
Смех ее глазам...
Она хотела,
Чтобы он понял,
Пока не поздно,
Что она все еще
Его любит,
Все еще...
Но не сложилось —
Он не выбрал время.
И она освободилась
Для новых мечтаний,
Для замков на песке,
Для летних планов,
Таких милых,
Таких сладких,
Таких новых,
Таких старых...
И вот
Сказка сказана,
Дело сделано.
Любовь пришла,
Но жить ей
Лишь столько,
Сколько будет

Длиться лето.

Д. С.

Глава 1

Утренний свет, пробившись из-под шторы, осторожно проник в комнату. Динна Дюра открыла один глаз и посмотрела на часы: 6.45. Если встать прямо сейчас, то у нее будет целый час – а то и больше – времени, которое она может посвятить только себе. Час тишины и покоя, когда Пилар не будет дерзить и огрызаться, когда никто не позвонит Марку-Эдуарду из Брюсселя, Лондона или Рима. Драгоценное время, когда она сможет побыть одна и спокойно подумать. Динна осторожно выскользнула из-под одеяла, поглядывая на Марка-Эдуарда. Он спал на другой стороне кровати. Очень далеко от Динны. Вот уже несколько лет они спали каждый на своей половине кровати, на таком расстоянии друг от друга, что между ними можно было бы положить еще одного человека, а то и двух. Не то чтобы они вообще больше не встречались посередине, встречались – иногда. Когда Марк-Эдуард не был в отъезде, не был слишком усталым, приходил домой не очень поздно... Словом, время от времени.

Динна бесшумно достала из стенного шкафа длинный шелковый халат цвета слоновой кости. В раннем утреннем свете она казалась юной и очень хрупкой, ее блестящие темные волосы ниспадали на плечи, как соболья накидка. Динна наклонилась за шлепанцами, но их не оказалось на месте. Наверное, их снова позаимствовала Пилар. Ничто в доме не было неприкосновенным, даже шлепанцы – во всяком случае, ее шлепанцы. Улыбаясь своим мыслям, Динна босиком прошла к двери, толстый ковер поглощал звук шагов. В дверях она еще раз оглянулась на мирно спящего Марка. Во сне он казался невероятно молодым, почти таким же, как девятнадцать лет назад, когда они познакомились. Динне вдруг захотелось, чтобы он проснулся, протянул к ней руки и пробормотал с сонной улыбкой, как много лет назад: «*Reviens, ma chérie. Вернись в постель, ma Diane. La belle Diane*»¹.

Уже тысячу лет она не была для него «прекрасной Дианой». Для Марка, как и для всех остальных, она была теперь просто Динной. «Динна, ты пойдешь со мной на обед во вторник? Динна, ты знаешь, что дверь гаража стала плохо закрываться? Динна, кашемировый пиджак, который я только недавно купил в Лондоне, после химчистки совсем потерял вид. Сегодня вечером я улетаю в Лиссабон (или в Париж, или в Рим)». Иногда Динна спрашивала себя, помнит ли Марк те, прежние, времена, когда она была для него Diane, те месяцы перед их свадьбой, когда они так неохотно покидали кровать, много смеялись и пили кофе в ее каморке или нежились на солнышке у нее на крыше. То были золотые деньки. Как-то они тайком удрали на выходные в Акапулько, а в другой раз провели четыре дня в Мадриде, делая вид, что она – секретарша Марка... Динна мысленно перенеслась в те далекие времена. Почему-то раннее утро обладало странным свойством напоминать Динне о прошлом.

«*Diane, mon amour, может, вернешься в постель?*» Стоило Динне вспомнить эти слова, как ее глаза заблестели. Ей тогда было девятнадцать, и она всегда была рада вернуться в постель к Марку. Она была застенчивой, но очень влюбленной, влюбленной в Марка. Каждый час, каждая минута ее жизни были тогда наполнены чувствами. Это отражалось и в ее живописи, ее картины буквально излучали сияние любви. Динне вспомнились глаза Марка, когда он сидел в ее студии, наблюдая, как она рисует. Он и сам работал – у него на коленях лежали бумаги, в которых он время от времени делал какие-то пометки. Иногда он хмурился, читая, а потом поднимал взгляд от бумаг, улыбался своей неотразимой улыбкой и говорил:

- Ну что, мадам Пикассо, может, сделаем перерыв на ленч?
- Еще минутку, я почти закончила.
- Можно взглянуть?

¹ Вернись, моя дорогая... моя Диана. Прекрасная Диана (фр.).

Марк делал вид, будто собирается обойти мольберт и посмотреть, что на нем, ожидая, что Динна, как обычно, вскочит и попытается ему помешать. Она всегда так и реагировала, пока не понимала по глазам Марка, что он шутит.

– Прекрати, ты же знаешь: пока я не закончила картину, смотреть нельзя!

– Но почему? Ты что, рисуешь шокирующую обнаженку?

Ослепительно-голубые глаза Марка лучились смехом.

– А если и так, это бы тебя расстроило?

– Очень. Ты еще слишком молода, чтобы рисовать шокирующую обнаженную натуру.

– Неужели?

Иногда Динна воспринимала его слова всерьез, и тогда ее большие зеленые глаза становились просто огромными. Марк во многих отношениях заменил ей отца, стал для нее олицетворением мужского авторитета, силой, на которую она полагалась. Смерть отца совершенно ошеломила Динну, и когда в ее жизни появился Марк-Эдуард Дюра, ей показалось, что он послан ей Богом. Оставшись без отца, Динна жила поочередно у разных тетюшек и дядюшек, но никто из них не горел желанием принять ее в свою семью. Наконец в восемнадцать лет, после года скитаний по родственникам матери, Динна стала жить самостоятельно. Днем она работала в бутике, а по вечерам училась в школе искусств. Именно учеба поддерживала ее дух и давала силы жить, только ради нее она и жила. Ей было семнадцать лет, когда отца не стало. Он умер мгновенно, разбился на своем самолете, на котором так любил летать. Отец, по-видимому, считал себя не просто неуязвимым, но вообще бессмертным, потому что он никогда не строил никаких планов относительно будущего Динны. Ее мать умерла, когда девочке было всего двенадцать, и в течение нескольких лет в ее жизни не было никого, кроме отца. Родственники по материнской линии, живущие в Сан-Франциско, были забыты, всякое общение с ними было прекращено этим экстравагантным и эгоистичным человеком, которого они считали виновным в смерти жены. Динна плохо понимала, что произошло, она только знала, что «мамочка умерла». Мамочка умерла. Эти слова, сказанные отцом в одно унылое холодное утро, навсегда запечатлелись в ее памяти. Не стало мамочки – мамочки, которая заперлась с бутылкой в спальне, спряталась и от внешнего мира, и от собственного ребенка, которая всякий раз, когда Динна стучала в дверь, неизменно отвечала: «Чуть позже, дорогая». Это «чуть позже» затянулось на десять, а то и на все двенадцать лет. Динна одна играла в своей комнате или в коридоре, а ее отец в это время летал на своем самолете или неожиданно отправлялся в деловую поездку с друзьями. Было трудно сказать, то ли отцу не сидится дома, потому что мать пьет, то ли она пьет, потому что его никогда нет дома. Как бы то ни было, Динна оставалась одна. До маминей смерти. После этого отец завел нескончаемый разговор на тему «что, черт подери, делать». Потому что, «видит Бог, я ничего не смыслю в воспитании детей, тем более маленьких девочек». Отец хотел отослать Динну в школу, в закрытый пансион, «чудесное место, где очень красиво, есть лошади и много новых друзей». Но Динна была в таком отчаянии, что отец в конце концов смягчился. Дочь не хотела ехать ни в какое «чудесное место», ей хотелось остаться с ним. Волшебный папа на самолете, человек, привозивший ей подарки из разных дальних мест, он заменял ей любое самое расчудесное место. Теперь, когда женщины, вечно скрывавшейся в спальне, не стало, у Динны не осталось никого, кроме него.

И отец оставил Динну при себе. Он брал ее с собой в поездки, а когда не мог взять, оставлял у друзей. Он приобщил ее к миру, в котором обитали богатые и знаменитые: отель «Империал» в Токио, «Георг V» в Париже, «Сторк-Клуб» в Нью-Йорке... В последнем Динна не просто побывала, не только посидела на табурете в баре и выпила коктейль «Ширли Темпл», но и разговаривала с этой Ширли Темпл как взрослая. Папа вел удивительную жизнь. Динна тоже какое-то время. Она за всем наблюдала и, как губка, впитывала впечатления. Танцы в «Эль Марокко», поездки на выходные в Беверли-Хиллз, мир холеных женщин и интересных мужчин – ко всему этому ее приобщил отец. В свое время он успел побыть кинозвездой, потом

был автогонщиком, во время войны служил пилотом. Он был игроком по натуре, страстно любил жизнь, женщин и все, на чем можно было летать. Он и Динну хотел обучить этому, ему хотелось, чтобы она узнала, каково это – смотреть на мир с высоты в десять тысяч футов, летать в облаках и жить мечтами. Но у Динны были свои собственные мечты, непохожие на отцовские. Она мечтала о тихой, спокойной жизни, о постоянном доме, о мачехе, которая бы не пряталась в вечно запертой спальне, отделяваясь этим «чуть позже, дорогая». В четырнадцать лет Динне надоел «Эль Марокко», а в пятнадцать ей надоело и танцевать с друзьями отца. В шестнадцать она ухитрилась окончить школу и собиралась поступить в колледж Вассара или Смита. Но отец уверял, что это было бы очень скучно. Тогда Динна занялась рисованием. Она рисовала в блокнотах и на холстах, которые возила с собой повсюду. На юге Франции она рисовала на бумажных скатертях, на обратной стороне конвертов писем от друзей отца – своих друзей у нее не было. Динна рисовала на всем, что попадалось ей под руку. В Венеции владелец одной галереи похвалил ее работы и сказал, что, если она задержится подольше, он сможет их выставить. Но отец, естественно, не задержался. Через месяц они уехали из Венеции, еще через два – из Флоренции, в Риме провели полгода, в Париже – месяц и наконец вернулись в Штаты, где отец пообещал, что у нее теперь будет настоящий дом и, может быть, даже с настоящей мачехой в нем. В Риме отец познакомился с американской актрисой. «Она тебе понравится», – пообещал он, пакуя чемоданы для поездки на уик-энд на ранчо актрисы где-то в Калифорнии.

На этот раз он не позвал Динну с собой, он пожелал лететь один. Динну он оставил в Сан-Франциско, в отеле «Фэрмонт». Он дал ей четыре сотни долларов наличными и пообещал вернуться через три дня. Но вышло иначе. Через три часа отец погиб, и Динна осталась совсем одна. На этот раз навсегда. Она вернулась к тому, с чего начинала, – оказалась одна и с нерастраченной перспективой «замечательной школы» на горизонте.

Только теперь угроза попасть в закрытую школу маячила перед Динной недолго. На пансион, как и на что-либо другое, просто не было денег. Зато остались долги и гора неоплаченных счетов. Динна позвонила родственникам матери, с которыми давным-давно не общалась. Они приехали за ней в отель и увезли ее к себе. «Но только на несколько месяцев, Динна, ты же понимаешь, мы не можем взять тебя навсегда. Тебе придется найти работу, а когда встанешь на ноги, подыщешь себе жилье». Какая работа? Что она умеет делать? Рисовать? Но это только мечта. Какая теперь разница, что она побывала и в Лувре, и в галерее Уффици, что она провела несколько месяцев в галерее «Же де Пам», что она видела, как ее отец укрощает быков в Памплоне, танцевала в «Эль Марокко» и останавливалась в отеле «Ритц»? Кому какое дело до этого? Никому и никакого. На протяжении трех месяцев Динна успела пожить у двух родственников – сначала пожила у кузины, потом переехала к тете.

«Это временно, ты же понимаешь». Динна понимала; теперь она знала, что такое боль, что такое одиночество, и сознавала всю серьезность содеянного ее отцом. Он растратил свою жизнь впустую. Теперь Динна поняла и другое – что именно случилось с ее матерью и почему. На какое-то время она даже возненавидела человека, которого так любила, – он оставил ее одну на свете, испуганную, никому не нужную.

Провидение явилось в виде письма из Франции. Во французском суде рассматривалось одно небольшое дело, совсем незначительное, но решение было принято в пользу ее отца. Речь шла о шести или семи тысячах долларов. Динну спрашивали, не сообразовит ли она поручить своему поверенному связаться с французской фирмой?

«Какой еще поверенный?»

Динна позвонила адвокату из списка, который ей дала одна из теток, и тот порекомендовал ей обратиться в международную адвокатскую контору. В понедельник, в девять часов утра, Динна пришла в офис этой фирмы в маленьком черном платье от Диора, которое отец купил ей во Франции, с черной сумочкой из крокодиловой кожи, которую отец привез ей из Бразилии, и с ниткой жемчуга на шее. Эта нитка – все, что досталось ей в наследство от матери.

Диор, Париж, Рио – все это не имело для Динны значения, а обещанные шесть или семь тысяч долларов казались ей целым состоянием. Она мечтала бросить работу и посвятить все время – и день, и вечер – учебе в школе искусств. Динна надеялась, что за несколько лет сумеет сделать себе имя в мире живописи. А пока, по крайней мере в течение ближайшего года, она могла бы жить на эти шесть тысяч. Наверное, могла бы.

С этой мыслью она вошла в огромный просторный кабинет, стены которого были обшиты деревом, и впервые увидела Марка-Эдуарда Дюра.

– Мадемуазель...

Марку еще не доводилось работать с такими делами, как дело Динны. Он специализировался на корпоративных клиентах и обычно занимался сложными международными вопросами, но, когда секретарь изложил ему суть дела Динны, Марк был заинтригован. А когда он ее увидел – нежное создание, хрупкую молодую женщину, похожую на испуганного ребенка, – то был совершенно очарован. Динна вошла в кабинет с удивительной грацией, ее глаза, обращенные к Марку, казались бездонными. Он предложил ей сесть по другую сторону письменного стола. Вид у него был самый серьезный, но уже после часа разговора с клиенткой глаза его сияли. Марк тоже был в восторге от галереи Уффици, он тоже однажды провел в Лувре несколько дней кряду. И тоже бывал в Сан-Пауло, в Каракасе и Довиле. Динна вдруг поняла, что неожиданно для себя впустила его в свой мир и открыла перед ним окна и двери, которые считала намертво запечатанными. Она рассказала ему об отце, рассказала всю свою грустную историю с начала до конца. Марка поразили ее зеленые глаза – самые большие, какие ему только доводилось видеть, а ее хрупкость тронула его сердце. Ему тогда было тридцать два, в отцы ей он явно не годился и чувства испытывал далеко не отцовские. Однако он взял ее под свое крыло. А три месяца спустя она стала его женой. С скромная церемония бракосочетания состоялась в здании муниципалитета. Медовый месяц они провели в доме матери Марка на мысе Антиб, а затем еще две недели прожили в Париже.

И лишь тогда, уже задним числом, Динна поняла, что она сделала: она вышла замуж не только за человека, но и за страну. За определенный образ жизни. Отныне ей придется быть безупречной во всем, понимающей... и бессловесной. Она поняла, что должна быть милой и обаятельной с друзьями мужа, но, когда он будет уезжать, ее ждет одиночество. А еще ей пришлось отказаться от мысли сделать себе имя в искусстве. Марк этого не одобрял. В период ухаживания ее занятия живописью его забавляли, но живопись как работа для жены его не устраивала. Динна стала мадам Дюра, и для Марка это значило очень много.

С годами Динне пришлось отказаться не только от этой мечты, но и от многих других, зато у нее был Марк. Мужчина, который спас ее от одиночества и нищеты. Мужчина, который завоевал ее признательность и ее сердце. Мужчина с безукоризненными манерами и безупречным вкусом. Мужчина, который дал ей чувство защищенности и одел в соболя... Мужчина, который постоянно носил маску.

Динна знала, что Марк ее любит, но он очень редко выражал свои чувства открыто – так, как это бывало раньше.

– Открытое выражение привязанности – это для детей, – объяснял Марк.

И это тоже пришло. Своего первого ребенка они зачали меньше чем через год после свадьбы. Как Марк хотел того ребенка! Тем самым он лишний раз показал Динне, как сильно он ее любит. Мальчик. Это должен был быть мальчик. Потому что так сказал Марк. Он был совершенно уверен в этом, и Динна тоже поверила. Его сын. Она хотела, чтобы так и было, ведь этим она могла завоевать уважение Марка, а может быть, даже и страсть на всю жизнь. Сын. И их сын родился – крошечный мальчик с пороком сердца. Священника вызвали к нему в первые же минуты после родов, он крестил младенца и нарек его Филиппом-Эдуардом. Через четыре часа малыш умер.

На лето Марк увез Динну во Францию и предоставил заботам своей матери и теток. Сам он провел лето, работая в Лондоне, но на выходные возвращался, крепко обнимал жену и осушал ее слезы. Наконец она снова забеременела. Второй ребенок – второй мальчик – тоже умер. Иметь ребенка от Марка стало для Динны навязчивой идеей, она мечтала только об одном – об их сыне. В то время она даже перестала рисовать. Когда Динна забеременела в третий раз, врач прописал ей постельный режим. Марк в тот год вел дела в Милане и Марокко, но он регулярно звонил, присылал цветы, а когда бывал дома, сидел у ее постели. Он снова пообещал, что она родит сына. Но на этот раз Марк ошибся, долгожданный наследник оказался девочкой, но зато здоровой. Это было прелестное создание с облаком белокурых волос и голубыми, как у отца, глазами. Для Динны это было дитя ее мечты. Даже Марк смирился и очень скоро полюбил крошечную белокурую девочку. Они назвали ее Пилар. Вскоре после рождения девочку повезли во Францию, чтобы показать бабушке. Мадам Дюра очень сожалела о неспособности Динны произвести на свет мальчика, но Марка это не расстраивало. Малышка была его ребенком, его плотью и кровью. Он уже решил, что она будет говорить только по-французски и каждое лето станет проводить на мысе Антиб. В Динне порой просыпался страх, но в конце концов ее полностью захлестнуло счастье материнства.

Марк проводил с Пилар каждую свободную минуту, он с гордостью показывал ее своим друзьям. Маленькой она часто улыбалась и смеялась. Свои первые слова Пилар сказала на французском. К десяти годам она считала своим родным домом скорее Париж, чем Штаты. Книжки, которые она читала, одежда, которую она носила, игры, в которые играла, – все это было заботливо привезено Марком из Франции. Пилар четко знала, кто она такая – она Дюра – и где ее место – во Франции. В двенадцать ее отправили учиться в Гренобль, в закрытый пансион. К тому времени непоправимый ущерб уже был нанесен: Динна потеряла дочь. Для Пилар Динна стала иностранкой, объектом гнева и недовольства. Именно ее Пилар винила в том, что они не живут во Франции, это она виновата, что Пилар разлучена со своими друзьями, это из-за нее папа не может жить в Париже с Grandmère², которая по нему очень скучает. И в конце концов они победили. Снова.

Динна тихо спустилась по лестнице, шаги ее босых ступней почти полностью заглушала персидская ковровая дорожка, которую Марк привез из самого Ирана. Динна по привычке заглянула в гостиную: полный порядок. Как всегда, все вещи на своих местах. На зеленой шелковой обивке кушетки – ни единой морщинки, стулья в стиле Людовика XV стоят ровно, словно часовые на своих постах. Обюссонский ковер цвета морской волны с орнаментом приглушенно малинового цвета выглядит, как всегда, изысканно. Серебро, как ему и положено, сияет, пепельницы безукоризненно чисты, портреты предков Марка висят строго под нужными углами, занавески на окнах обрамляют идеальный вид на залив и мост «Золотые Ворота». В этот час на воде не было видно яхт и в кои-то веки не было тумана. Стояло прекрасное июньское утро. Динна немного постояла, глядя на воду, у нее возникло искушение просто сесть и полюбоваться видом. Но примять обивку на кушетке, потревожить ворс ковра, даже дышать в этой комнате казалось святотатством. Проще было пройти мимо и уйти подальше, в свой собственный мирок, в студию в глубине дома, в то место, где она рисовала и где нашла свое убежище.

Мимо столовой Динна прошла, даже не заглянув туда, затем завернула за угол и бесшумно пошла по длинному коридору в глубину дома. Чтобы попасть в студию, ей нужно было только подняться на половину лестничного пролета. Темное дерево под ее босыми ступнями было прохладным. Дверь, как всегда, открылась с трудом. Марку надоело напоминать Динне, чтобы она что-то сделала с этой дверью, и он перестал об этом говорить. Марк пришел к заключению, что по каким-то причинам такое положение Динне даже нравится, и он был прав. Дверь

² Бабушка (фр.).

с трудом открывалась, но зато она всегда быстро захлопывалась, оставляя Динну в ее маленьком красочном коконе. Студия была ее бесценным личным мирком, островком музыки и цветов, которые словно прятались здесь от удушающей сдержанности остального дома. Ни обоев, ни ковров, ни серебра, ни мебели в стиле Людовика XV. Здесь, в студии, все было живым, ярким – краски на ее палитре, холсты на мольберте, нежно-желтый цвет стен, большое удобное кресло с белой обивкой, принимавшее Динну. Динна села, огляделась по сторонам и улыбнулась. Вчера утром она оставила студию в полном беспорядке, но ее это вполне устраивало. Студия была ее счастливым уголком, где она могла работать. Динна отдернула цветастые занавески, распахнула французские окна и вышла на крошечную террасу. Яркие плитки пола показались ей ледяными.

Динна часто выходила на террасу по утрам, иногда даже в тумане, глубоко вдыхая прохладный воздух, с улыбкой глядя на жутковатые очертания моста, смутно вырисовывающиеся над невидимым заливом, и слушая низкие гудки сирены, подающей сигналы судам. Но сегодня утро было ясное, солнце сияло так ярко, что Динна прищурилась. В такой денек неплохо бы покататься на яхте или поваляться на пляже.

При одной мысли об этом Динна чуть не рассмеялась. Если она уйдет, кто скажет Маргарет, какую мебель натереть, кто ответит на почту, кто объяснит Пилар, почему сегодня ей надо отменить свидание? Пилар. Сегодня день ее отъезда, она уезжает на все лето на мыс Антиб, в гости к бабушке, тетушкам, дядюшкам и кузенам – все приедут туда из Парижа. Динну бросало в дрожь при одном воспоминании об этой компании. Из лета в лето она терпеливо сносила удушающую атмосферу, пока наконец не набралась смелости сказать «нет». Извечный «шарм» родни Марка – вежливость сквозь зубы, невидимые шипы, вонзаемые в чью-то живую плоть, – был для нее просто невыносим. Динна так и не смогла завоевать их одобрение. Мать Марка этого даже не скрывала. Помимо всего прочего, Динна была американкой и к тому же слишком молодой, чтобы составить подходящую партию Марку. Но хуже всего то, что она была нищей дочерью некоего экстравагантного бродяги. Этот брак не прибавил Марку веса в обществе – не то что самой Динне. Его родные считали, что именно поэтому она за Марка и ухватилась. Они очень старались не упоминать об этом обстоятельстве вслух – во всяком случае, упоминать как можно реже. В конце концов Динна решила, что с нее хватит, и перестала совершать ежегодное летнее паломничество на мыс Антиб. Теперь Пилар ездила к родственникам одна, и ей это нравилось, потому что она была одной из них.

Динна облокотилась о перила и подперла рукой подбородок. В бухту медленно входило грузовое судно. Глядя на него, она невольно вздохнула.

– Мама, тебе здесь не холодно?

Голос дочери был таким же ледяным, как плитки пола. Пилар разговаривала с ней как с ненормальной, которой взбрело в голову выйти на террасу в халате, да еще и босиком. Динна бросила еще один взгляд на корабль и, улыбнувшись, медленно повернулась к дочери:

– Вообще-то нет, мне здесь нравится. Кроме того, я не нашла своих шлепанцев.

Обращаясь к дочери, Динна сохраняла на лице улыбку и смотрела прямо в ее сияющие голубые глаза. Пилар являла собой полную противоположность матери. У нее были белокурые волосы самого светлого золотистого оттенка и невероятно голубые, словно переливающиеся, глаза, а ее нежная кожа как будто светила изнутри. Пилар была почти на голову выше матери и во всем, в чем только возможно, была копией Марка-Эдуарда. Однако она не обладала присущей ему аурой власти, это должно прийти позже, и если Пилар хорошо усвоила уроки бабушки и многочисленных теток, то она научится скрывать свою властность так же умело, как они. Марк-Эдуард был далеко не столь искусен в этом умении, да у него и не было в этом необходимости, ведь он мужчина. Но женщинам Дюра полагалось играть тоньше. Сейчас Динна уже мало что могла с этим поделать, разве что держать Пилар подальше от родных, но и это было бы бесполезно. И сама Пилар, и Марк, и бабушка – все они совместными усилиями устраивали

так, чтобы девочка проводила почти все время в Европе. И сходство Пилар с бабушкой не было простым подражанием, оно основывалось на чем-то глубинном, что было у нее в крови. Динне оставалось только смириться с тем, чего она не в силах была изменить. Она и смирилась, но не переставала удивляться тому, насколько горько и болезненно ее разочарование. Не было ни единой минуты, когда бы она оставалась равнодушной, когда бы ей было все равно. Она постоянно остро чувствовала потерю Пилар. Всегда.

И вот сейчас Динна улыбнулась и посмотрела на ноги дочери – на них были те самые пропавшие шлепанцы.

– Я вижу, их нашла ты.

Динна шутила, но в ее глазах застыла непроходящая боль. Стрдание, которое она старалась скрывать под маской юмора.

– Это что, юмор, мама? Мне положено засмеяться? – Было раннее утро, около половины восьмого, а на лице Пилар уже появилось воинственное выражение. – Я не нашла ни одного приличного свитера, а мою черную юбку, которую ты отдала портнихе, еще не принесли обратно.

Очень серьезное обвинение. Пилар отбросила назад длинные прямые волосы и сердито посмотрела на мать. Ее ярость всегда удивляла Динну, она не могла понять, что это. Подростковое неповиновение? Или девочка просто не желала делить с ней Марка? Если так, то тут Динна ничего не могла поделать. Во всяком случае, сейчас. Возможно, когда-нибудь позже, лет через пять, ей еще представится возможность вернуть дочь, стать ей другом. Динна жила этой мыслью, надежда все же не покидала ее.

– Юбку вчера привезли, она висит в гардеробе в холле. А свитера уже лежат в твоём чемодане. Маргарет вчера их упаковала. Ну что, это решает твои проблемы?

Динна говорила с дочерью мягко: несмотря ни на что, Пилар была и навсегда останется ребенком ее мечты, даже если эти самые мечты рассыпались в прах.

– Мама! Ты меня не слушаешь! – Динна на минутку отвлеклась, и Пилар тут же заметила это и пронзила ее взглядом. – Я спросила, куда ты дела мой паспорт.

Зеленые глаза Динны встретились с голубыми глазами Пилар и несколько мгновений удерживали их взгляд. Динне хотелось что-нибудь сказать, что-то правильное, но она ответила только:

– Твой паспорт у меня, я отдам его тебе в аэропорту.

– Я вполне в состоянии сама о себе позаботиться.

– Нисколько в этом не сомневаюсь. – Динна вернулась в студию, избегая встречаться взглядом с дочерью. – Завтракать будешь?

– Позже, сначала мне нужно вымыть голову.

– Я попрошу Маргарет подать тебе завтрак в спальню.

– Отлично.

Пилар ушла. Унеслась, как яркая стрела юности, снова, в который уже раз, пронзив сердце Динны. Как мало нужно для того, чтобы причинить ей боль. Пилар не сказала ничего особенного, но Динну больно ранила пустота, которая стояла за ее словами. Она чувствовала, что должно быть что-то еще, не для того же люди заводят детей, чтобы в конце концов получить от них такое вот отношение. Иногда Динна спрашивала себя, как бы сложились ее отношения с сыновьями. Может быть, дело не в детях вообще, а конкретно в Пилар? Возможно, девочке оказалось не по силам разрываться между двумя странами, двумя мирами?

На письменном столе негромко зажужжал телефон. Динна вздохнула и села за стол. Звонок внутренний, наверняка это Маргарет – интересуется, не подать ли ей кофе в студию. Когда Марк бывал в отъезде, Динна часто ела одна в студии. Но когда он бывал дома, то совместный завтрак был своего рода ритуалом, а зачастую это был единственный раз за день, когда они ели вместе.

– Слушаю.

Мягкие нотки в голосе Динны придавали оттенок нежности всему, что она говорила.

– Динна, мне нужно позвонить в Париж, так что я спущусь к завтраку не раньше чем через пятнадцать минут. Прошу тебя, напхни Маргарет, что я люблю яйца жареными, а не сгоревшими дочерна. Газеты у тебя?

– Нет, наверное, Маргарет положила их для тебя на стол.

– Ладно.

Ни «как дела, как спалось? я люблю тебя», ни даже «доброе утро». Газеты, черная юбка, паспорт – только это их интересует. На глаза Динны навернулись слезы. Она быстро стерла их тыльной стороной ладони. Марк и Пилар ведут себя так не со зла, им так проще, вот и все. Но почему никого из них не интересует, где *ее* черная юбка, где *ее* шлепанцы, как продвигается *ее* последняя картина? Закрывая за собой дверь студии, Динна с сожалением оглянулась на мольберт. Ее день начался.

Услышав шуршание газет в столовой, Маргарет вышла из кухни, как обычно, улыбаясь.

– Доброе утро, миссис Дюра.

– Доброе утро, Маргарет.

Как и всегда, все делалось вежливо и четко. Приказы отдавались приятным тоном и с улыбкой, газеты были аккуратно разложены в порядке важности, на стол был немедленно поставлен кофе в кофейнике лиможского фарфора, принадлежавшем раньше матери Марка, занавески были отдернуты, погода была оценена, каждый занял свое место и надел свою маску. Новый день начался.

Динна пила кофе из чашки в голубой цветочек и просматривала газету, потирая ступни о ковер, чтобы согреть их после холодных плиток террасы. По утрам, с распущенными волосами и с широко раскрытыми глазами, она казалась совсем юной, ее кожа была такой же чистой, как кожа Пилар, руки ее оставались такими же нежными, как и двадцать лет назад. Она не выглядела на свои тридцать семь, ей можно было дать лет на десять меньше. Ее манера поднимать голову во время разговора, блеск глаз, улыбка, которая появлялась на лице словно радуга на небе, – вот что помогало ей выглядеть моложе. В середине дня, в строгом костюме, с волосами, уложенными в элегантный пучок, с царственной осанкой, она будет выглядеть даже старше своих лет. Но по утрам, еще не обремененная ни единым символом, Динна просто была самой собой.

Шаги Марка Динна слышала раньше, чем его голос. Потом он весело переговаривался с Пилар, которая стояла с мокрыми волосами на лестничной площадке второго этажа. Марк говорил дочери что-то насчет ее пребывания в Ницце и о том, что в Антибе ей следует вести себя прилично. В отличие от Динны Марк в течение лета еще не раз увидит Пилар. Он будет несколько раз летать из Сан-Франциско в Париж и обратно, при любой возможности заезжая на выходные в дом на мысе Антиб. Старые привычки живучи, да и перспектива лишний раз повидаться с дочерью очень заманчива. Марк и Пилар всегда были близкими друзьями.

– Доброе утро, *ma chérie*.

«*Ma chère, ne ma chérie*», – мысленно отметила Динна. «Моя дорогая, а не моя любимая». Буква «i» выпала из слова в его обращении много лет назад.

– Ты сегодня прекрасно выглядишь.

– Спасибо.

Динна с улыбкой поблагодарила мужа за комплимент, подняла взгляд и увидела, что Марк уже взялся за газеты. Комплимент был скорее формальным, чем искренним, и Динна это прекрасно знала. Известная французская галантность. Улыбка на ее лице погасла.

– Есть новости из Парижа?

– Я тебе сообщу позже. Завтра я уезжаю. На некоторое время.

Что-то в тоне Марка подсказало Динне, что за его словами кроется нечто большее. Впрочем, так бывало всегда.

– На некоторое время – это на сколько?

Марк посмотрел на нее со слегка насмешливым выражением, чем невольно напомнил Динне, почему она в него влюбилась. Он был невероятно красивым мужчиной – художавое аристократическое лицо с сияющими голубыми глазами, с которыми не могли конкурировать даже глаза Пилар. Его волосы песочного оттенка не утратили прежнего цвета, седина лишь слегка пробивалась на висках. Он и теперь выглядел молодым и энергичным, и в его взгляде почти всегда сквозила легкая насмешка, особенно когда он бывал в Штатах. Марк вообще находил американцев «забавными». Его забавляло, когда он выигрывал в теннис или сквош, в бридж или триктрак, но особенно в зале суда. Марк работал так же, как играл, – он всегда выкладывался полностью и всякий раз достигал выдающихся результатов. Он был из тех людей, которым завидуют мужчины и перед которыми заискивают женщины. Он всегда побеждал. Победа была стилем его жизни. Поначалу Динне это его качество очень понравилось. Когда Марк впервые сказал, что любит ее, она сама почувствовала себя победительницей.

– Я спросила, на сколько ты уезжаешь.

В голосе Динны послышался едва уловимый намек на раздражение.

– На несколько дней, точно пока не знаю. А что, это имеет какое-то значение?

– Конечно.

Раздражение в ее голосе стало заметнее.

– У нас намечается что-то важное? – Марк удивился. Он сверился с ежедневником и ничего особенного не обнаружил. – Так что же?

«Нет, дорогой, ничего важного... только ты и я».

– Нет, ничего особенного, я спросила просто так.

– Я тебе позже скажу, сегодня у меня несколько встреч, после них я буду знать точнее. Кажется, в одном крупном деле о поставках возникли проблемы. Возможно, прямо из Парижа мне придется вылететь в Афины.

– Опять?

– Похоже на то. – Марк снова углубился в газеты. Только когда Маргарет поставила перед ним яичницу, он поднял голову и посмотрел на жену. – Ты отвезешь Пилар в аэропорт?

– Конечно.

– Будь добра проследи, чтобы она оделась прилично. Боюсь, если она снова выйдет из самолета в каком-нибудь экстравагантном наряде, мою мать хватит удар.

– Почему ты сам ей об этом не скажешь?

Динна посмотрела на мужа в упор. Марк и бровью не повел.

– Я считал, это твоя епархия.

– Что именно: дисциплина или ее гардероб?

Оба понимали, что следить и за первым, и за вторым – одинаково неблагодарное занятие.

– До некоторой степени и то, и другое.

Динне хотелось спросить: до какой именно степени – до той, где она еще способна справиться с задачей? Это Марк имел в виду? Но она промолчала. Марк продолжал:

– Кстати, я дал ей денег на поездку, так что ты можешь не давать.

– Сколько ты ей дал?

Марк резко поднял голову:

– Что, прости?

– Я спросила, сколько денег ты дал ей? – очень тихо повторила Динна.

– А это важно?

– По-моему, да. Или мне полагается заниматься только дисциплиной и гардеробом, а в остальное не вмешиваться?

В голосе Динны теперь слышалось явное раздражение, подспудно копившееся все восемнадцать лет брака.

– Я этого не говорил. А насчет денег не волнуйся, ей хватит.

– Я беспокоюсь не об этом.

– Тогда о чем?

Голос Марка из приятного вдруг стал резким, и в глазах Динны появился холодный блеск.

– По-моему, ей не стоит давать на лето слишком много денег. Они ей не понадобятся.

– Пилар – очень ответственная девушка.

– Марк, но ей даже шестнадцати не исполнилось. Сколько же ты ей дал?

– Тысячу, – сказал Марк очень тихо, словно закрывая тему.

У Динны глаза на лоб полезли.

– Долларов? Это недопустимо!

– Вот как?

– Ты сам знаешь, что это так. И тебе известно, на что она истратит эти деньги.

– Думаю, на развлечения. Это вполне безобидно.

– Нет, она купит себе этот чертов мотоцикл, как ей давно хотелось. Я не могу допустить, чтобы это случилось. – Но ярость Динны могла сравниться только с ее же бессилием, и она это прекрасно понимала. Теперь, когда Пилар поедет «к ним», она окажется вне власти Динны. – Я не хочу, чтобы у нее было с собой так много денег.

– Не говори глупости.

– Ради бога, Марк...

Как только Динна начала свою тираду всерьез, зазвонил телефон. Звонили Марку из Милана. На половину десятого у Марка была назначена встреча, и ему некогда было выслушивать жену. Он посмотрел на часы.

– Динна, не устраивай истерику. Ребенок будет в хороших руках. – Но это была тема для совсем другой дискуссии, а у него не было времени. – Увидимся вечером.

– Ты вернешься домой к обеду?

– Сомневаюсь. Доминик тебе позвонит и скажет, приеду я или нет.

– Большое спасибо.

Два коротких слова, произнесенные ледяным тоном. Динна смотрела, как Марк выходит и закрывает за собой дверь. Через несколько секунд на подъездной аллее заурчал его «Ягуар». Она проиграла еще одну битву.

Динна снова затронула эту тему, на этот раз в разговоре с Пилар по дороге в аэропорт:

– Насколько я поняла, папа выдал тебе на лето довольно много денег.

– Началось. Ну, что еще?

– Ты прекрасно знаешь что. Речь идет о мотоцикле. Я тебе вот что скажу, дорогая: если ты купишь себе мотоцикл, я заставлю тебя немедленно вернуться домой.

Пилар хотелось сказать: «Как ты об этом узнаешь?» – но она не решилась дразнить мать.

– Ладно, я не буду его покупать.

– И ездить на мотоцикле.

– И ездить.

Но Пилар лишь механически повторяла за матерью ее слова, и Динне впервые за долгое время захотелось завизжать. На секунду отведя взгляд от дороги, она посмотрела на дочь и снова стала смотреть вперед.

– Ну почему так получается? Ты уезжаешь на все лето, мы с тобой не увидимся три месяца. Почему мы не можем провести последний день мирно? Почему мы все время спорим?

– Не я начала спор. Это ты заговорила о мотоцикле.

– А ты не догадываешься почему? Потому что я тебя люблю, потому что мне не безразлично, что с тобой будет. Потому что я не хочу, чтобы ты погибла. Как по-твоему, есть в этом смысл?

В голосе Динны слышалось сначала отчаяние, потом гнев.

– Да, конечно.

Дальше они ехали до самого аэропорта в молчании. Динна опять была готова расплакаться, но она не хотела, чтобы Пилар видела ее слезы. Для дочери она должна оставаться безупречной, она должна быть сильной. Таким был Марк, такими же притворялись все их французские родственники, будь они неладны, такой же хотела быть Пилар.

Динна затормозила у тротуара и оставила машину на попечение служащего со стоянки. Носильщик взял вещи Пилар, и они пошли за ним в зал регистрации. Когда клерк регистрационной стойки вернул Пилар ее паспорт и билет, она повернулась к матери:

– Ты будешь провожать меня до выхода на посадку? – По ее тону можно было догадаться, что такая перспектива ее скорее раздражает, чем радует.

– Да, я бы хотела, а ты против?

– Нет, – буркнула Пилар.

Надутый, сердитый ребенок. Динне хотелось дать дочери пощечину. Порой она спрашивала себя: кто эта девушка, куда исчезла та маленькая золотоволосая девочка, которая ее любила? В кого она превратилась?

Погруженные каждая в свои мысли, Динна и Пилар пошли к выходу на посадку, их провожали одобрительными взглядами. Они и впрямь составляли поразительную пару. Темноволосая красавица Динна в великолепно сшитом черном шерстяном платье, с красным пиджаком, перекинутым через руку, с волосами, зачесанными наверх, и блондинка Пилар, излучающая сияние юности, высокая, стройная, изящная, в белом льняном костюме. Когда Пилар вышла в этом костюме на лестничную площадку, Динна сразу одобрила ее выбор. Даже бабушке наверняка понравится этот костюм, если только она не решит, что у него слишком американский покрой. Когда дело касается мадам Дюра, ни в чем нельзя быть уверенной.

Когда они подошли, посадка на самолет уже началась. У Динны было всего несколько мгновений, чтобы крепко сжать руку дочери.

– Пилар, насчет мотоцикла... это очень серьезно. Дорогая, прошу тебя...

– Ну хорошо, хорошо.

Но Пилар уже смотрела поверх плеча матери. Ей не терпелось идти к самолету.

– Я тебе позвоню. И ты мне тоже звони, если возникнут какие-то проблемы.

– Не возникнут, – заявила Пилар. В ее тоне звучала уверенность, казавшаяся странной для шестнадцатилетней девочки.

– Я тоже надеюсь, что не возникнут, – сказала Динна. Ее лицо смягчилось, она посмотрела на дочь и обняла ее. – Я тебя люблю. Желаю хорошо провести время.

– Спасибо, мама.

Пилар одарила мать короткой улыбкой и быстрым взмахом руки. И вот уже ее золотистая грива удаляется по проходу. Динна вдруг почувствовала, как на нее наваливается тяжесть. Пилар снова уезжает... ее девочка, ее золотоволосая малышка, дочурка, которая каждый вечер так доверчиво протягивала ручонки, чтобы ее обняли и поцеловали на ночь. Ее Пилар.

Динна осталась в зале ожидания и подождала, пока «Боинг-747» поднимется в небо. Наконец самолет скрылся из виду. Она встала и медленно пошла обратно. Служащий парковки подогнал машину Динны, она дала ему доллар на чай, и он почтительно дотронулся до козырька форменной фуражки. Глядя, как она садится за руль, гибким движением поднимая ноги в машину, служащий отметил про себя, что она чертовски хороша, и стал мысленно прикидывать, сколько же ей лет: двадцать девять, тридцать два, тридцать пять? Или все сорок?

Ни за что не догадаешься. Лицо у нее молодое, но все остальное – одежда, манера держаться, взгляд – принадлежит явно немолодой женщине.

* * *

Динна сидела перед туалетным столиком и расчесывала волосы. Она слышала, как Марк поднимается по лестнице. Часы показывали двадцать минут одиннадцатого, за весь день он ни разу не позвонил. Только Доминик, его секретарша, позвонила около полудня и передала Маргарет, что месье не вернется к обеду. Динна поела в студии, пока делала наброски, но мысли ее были далеки от работы. Она думала о Пилар.

Когда Марк вошел в комнату, Динна оглянулась и улыбнулась ему. Она действительно соскучилась по нему. Весь день в доме было непривычно тихо.

– Привет, дорогой. Ты сегодня поздно.

– День был трудный. А как прошел твой день?

– Спокойно. Без Пилар в доме очень тихо.

– Никогда не думал, что услышу, как ты это говоришь. – Марк-Эдуард улыбнулся жене и сел возле камина в большое кресло, обитое голубым бархатом.

– Я тоже не думала. Как прошли твои встречи?

– Утомительно.

Марк был немногословен. Динна повернулась к нему:

– Твоя поездка в Париж не отменяется? Ты уезжаешь завтра, как собирался?

Марк кивнул и вытянул ноги. Динна продолжала наблюдать за мужем. Он выглядел совершенно так же, как утром, и, казалось, был вполне готов начать следующий рабочий день хоть сейчас. В действительности он жил этими, как он выразился, «утомительными» встречами. Марк встал и подошел к ней, улыбаясь одними глазами.

– Да. Завтра я улетаю в Париж. Ты уверена, что не хочешь пожить на мысе Антиб с Пилар и моей матерью?

– Абсолютно уверена. Почему бы вдруг мне захотелось туда ехать?

– Ты сама сказала, что без Пилар в доме слишком тихо. Вот я и подумал, что, может быть... – Марк остановился у нее за спиной и положил руки ей на плечи. – Динна, меня не будет все лето.

Ее плечи под его ладонями заметно напряглись.

– Все лето?

– Почти. Дело Салко об отгрузке слишком важное, чтобы я поручил его кому-то другому. Мне придется все лето летать из Парижа в Афины и обратно. Я просто не смогу быть здесь, с тобой. – Сейчас, когда Марк заговорил с Динной, его акцент стал заметнее, как будто он уже уехал из Америки. – Правда, у меня будет больше возможности присматривать за Пилар, что должно тебя порадовать. Но я не смогу видеться с тобой.

Динне хотелось спросить, не все ли ему равно, но она промолчала.

– Думаю, дело Салко займет у меня почти все лето, около трех месяцев.

Для Динны это прозвучало как смертный приговор.

– Три месяца? – переспросила она чуть слышно.

– Теперь ты понимаешь, почему я спросил, не хочешь ли ты пожить на мысе Антиб. Может быть, теперь ты передумаешь?

Динна медленно покачала головой:

– Нет, не передумаю. Там тебя тоже не будет, кроме того, я подозреваю, что Пилар не помешает от меня отдохнуть. Не говоря уже о... – Динна замолчала.

– О моей матери? – подсказал Марк.

Она кивнула.

– Понятно. Но тогда, *ma chère*, ты останешься здесь совсем одна.

Почему, ну почему он не попросил ее поехать с ним? Вместе с ним летать из Парижа в Афины и обратно? На какое-то мгновение у Динны мелькнула шальная мысль предложить это самой, но она знала, что Марк не согласится.

Когда он работает, то предпочитает быть свободным. Он никогда не брал ее с собой.

– Думаешь, тебе не будет здесь плохо одной? – спросил он.

– Разве у меня есть выбор? Или ты хочешь сказать, что если я отвечу «будет», то ты никуда не поедешь?

Динна подняла голову и посмотрела Марку в глаза.

– Ты прекрасно знаешь, что это невозможно.

– Да, знаю. – Немного помолчав, Динна пожала плечами и улыбнулась. – Я справлюсь.

– Я так и знал.

«Откуда ты можешь это знать, черт побери? Откуда? А вдруг я не справлюсь? Что, если ты мне понадобишься? Что, если...»

– Динна, ты очень хорошая жена.

Динна не знала, поблагодарить Марка или дать ему пощечину.

– Что ты хочешь этим сказать? Что я не слишком много жалуюсь? Наверное, стоило бы.

Улыбка Динны скрыла ее истинные чувства и позволила Марку уклониться от ответа на вопрос, на который ему не хотелось отвечать.

– Нет, не стоило. Ты идеальна такая, как есть.

– *Merçi, monsieur*. – Динна встала и отвернулась, чтобы Марк не видел ее лица. – Ты сам соберешь вещи или хочешь, чтобы я собрала?

– Я соберусь сам, а ты иди в кровать. Я тоже скоро приду.

Некоторое время Динна слышала, как Марк деловито сновал по туалетной комнате, потом спустился вниз. «Наверное, пошел в кабинет», – предположила Динна. Она выключила свет в спальне и повернулась на бок. Когда Марк вернулся, она лежала очень тихо.

– Ты спишь?

– Нет. – Голос Динны прозвучал хриловато.

– Хорошо.

«Хорошо? Почему? Какая разница, сплю я или нет? Может, он собирается поговорить, сказать, что любит и очень жалеет, что вынужден уехать?» Но Марк ни о чем не жалел, и они оба это знали. Он всегда делает именно то, что любит делать, – носится по свету, занимается своим делом, наслаждается работой и собственной репутацией. Он это обожает.

Марк лег в постель, и некоторое время они лежали молча, каждый думал о своем.

– Ты сердишься, что я уезжаю так надолго?

Динна покачала головой:

– Я не сержусь, мне просто жаль. Я буду по тебе очень скучать.

– Это быстро пройдет.

Динна не ответила. Тогда Марк приподнялся на локте и всмотрелся в темноте в ее лицо.

– Динна, мне жаль, что так получилось.

– Мне тоже.

Марк нежно погладил ее волосы и улыбнулся. Динна медленно повернула к нему голову.

– Ты по-прежнему очень красива, Динна. Но ты ведь об этом знаешь, правда? Сейчас ты даже красивее, чем когда была девушкой. Ты прекрасна.

Но Динна не хотела быть прекрасной, она хотела быть его любимой женщиной, его Динной.

– Пилар тоже когда-нибудь станет красавицей, – с гордостью сказал Марк.

– Она уже красавица, – бесстрастно заметила Динна.

– Ты ревнуешь?

Казалось, эта мысль Марку даже понравилась. Динна догадывалась, что, возможно, от этого он чувствует себя еще более значительным. Или молодым. Но она все равно ему ответила – почему бы не ответить?

– Да, иногда я к ней ревную. Мне хотелось бы снова стать такой же юной, такой же свободной, снова поверить в то, что жизнь должна обеспечить меня всем самым лучшим. В ее возрасте все кажется таким очевидным: ты заслуживаешь самого лучшего и получаешь его. Когда-то я тоже так думала.

– А сейчас, Динна? Жизнь дала тебе то, что должна была дать?

– В некоторых отношениях – да.

Динна встретила взглядом с Марком, и он увидел в ее глазах грусть. Впервые за многие годы она напомнила ему ту восемнадцатилетнюю сироту, которая вошла в его кабинет в маленьком черном платье от Диора. Марк спросил себя: может быть, она в самом деле несчастлива с ним, если ей хочется чего-то еще? Но ведь он дал ей так много: драгоценности, машины, меха, дом. Обо всем этом мечтает большинство женщин. Чего ей еще желать? Марк долго смотрел на жену. В его взгляде был вопрос, задумчивость прочертила на его лице морщины. Может, он чего-то не понимает?

– Динна! – Марку не хотелось спрашивать напрямик, но внезапно он почувствовал, что просто обязан это сделать. Слишком уж много всего он прочел в ее взгляде. – Ты несчастлива?

Динна посмотрела на него в упор. Ей хотелось ответить «да», но она боялась. Если она скажет «да», то потеряет Марка, он уйдет, и что тогда? Она не хотела его терять, наоборот, ей хотелось, чтобы он принадлежал ей больше, чем сейчас.

– Так ты несчастлива? – повторил Марк.

Он вдруг с болью осознал, что знает ответ. Динне не нужно было облекать его в слова, все и так стало ясно. Даже ему.

– Иногда – да. Иногда – нет. Большую часть времени я об этом просто не задумываюсь. Но я скучаю по прежним временам, по тем дням, когда мы только познакомились, когда мы были молодыми, – наконец очень тихо проговорила Динна.

– Динна, мы повзрослели, этого не изменишь. – Марк наклонился к ней и коснулся пальцами подбородка, как будто собирался ее поцеловать. Но оставил эту мысль и убрал руку. – Ты была очаровательным ребенком. – Он вспомнил, что чувствовал много лет назад, и улыбнулся своим воспоминаниям. – Я ненавижу твоего отца за то, что по его вине ты оказалась в таком положении.

– Я тоже. Но такой уж он был человек, по-другому он не умел. Я давно примирилась с этим.

– Правда?

Динна кивнула.

– Ты уверена?

– А почему ты в этом сомневаешься?

– Потому что иногда мне кажется, что ты до сих пор на него в обиде. Думаю, именно поэтому ты продолжаешь рисовать. Только для того, чтобы доказать самой себе, что ты способна делать что-то самостоятельно, если вдруг возникнет такая необходимость. – Марк прищурился к Динне повнимательнее и нахмурился. – Но тебе не придется зарабатывать на жизнь самой, ты же знаешь. Я никогда не оставлю тебя в таком положении, в каком тебя оставил отец.

– Об этом я не беспокоюсь. И ты ошибаешься, я рисую, потому что мне это нравится, потому что живопись – это часть меня.

Марк никогда не верил, что для Динны искусство – часть ее души. Некоторое время он молчал, глядя в потолок и прокручивая мысли в голове. Наконец он спросил:

– Ты очень сердись из-за того, что я уезжаю на все лето?

– Я же тебе сказала, что не сержусь. Я буду заниматься живописью, отдыхать, читать, встречаться с друзьями.

– Ты собираешься вести активную светскую жизнь?

Казалось, Марк встревожился, и Динну это позабавило. «Кто бы спрашивал!»

– Не знаю, глупенький. Я дам тебе знать, если меня куда-нибудь пригласят. Наверняка будут званые обеды, благотворительные вечера, концерты и прочее в том же духе. – Марк кивнул, ничего не говоря. – Марк-Эдуард, неужели ты ревнуешь? – Глаза Динны заискрились смехом. Всмотревшись в его лицо, она расхохоталась. – Так и есть, ты ревнуешь! Но это же глупо! После столько лет!

– Более удобного случая не придумаешь.

– Дорогой, не говори глупости. Это не в моем стиле.

Марк знал, что это правда.

– Я знаю, но, как говорится, on ne sait jamais – никогда не знаешь заранее.

– Да как ты можешь такое говорить!

– А что, у меня красивая жена, в которую нормальный мужчина просто не может не влюбиться, если он не полный идиот. – Давно уже, многие годы, Марк не обращался к Динне со столь развернутой речью. Она не скрывала своего удивления. – Ты думала, я этого не замечаю? Динна, ты – молодая и прелестная женщина.

– Хорошо, тогда не улетай в Грецию.

Динна снова улыбалась ему, как молоденькая девушка. Но на этот раз Марк не улыбнулся в ответ:

– Не могу, ты ведь знаешь, что я должен.

– Хорошо, тогда возьми меня с собой. – В голосе Динны появились непривычные нотки, полуплутильные-полусерьезные. Марк не отвечал очень долго. – Ну? Можешь взять меня с собой?

Он отрицательно покачал головой:

– Нет, не могу.

– Ну что ж, тогда, наверное, тебе просто придется ревновать. – Уже много лет они вот так не поддразнивали друг друга. Предстоящий отъезд Марка на три месяца пробудил к жизни целую гамму очень странных чувств. Но Динна не хотела перегибать палку. – Если серьезно, дорогой, тебе не о чем беспокоиться.

– Надеюсь, что так.

– Марк! Прекрати! – Динна подалась к нему и взяла его за руку, он не возражал. – Я тебя люблю, ты это знаешь?

– Да. А ты знаешь, что я тоже тебя люблю?

Динна посерьезнела и посмотрела ему в глаза:

– Иногда я в этом не уверена.

Очень часто Марк бывал слишком занят, чтобы показать свою любовь к ней, да это было и не в его стиле. Но сейчас что-то подсказывало Динне, что ее слова попали в цель, и, наблюдая за мужем, она была ошеломлена. Неужели Марк не понимал, что он сделал? Неужели не замечал, что он возвел вокруг себя стену из бизнеса, работы и прочих дел, уезжая от Динны на недели, а теперь и на месяцы и видя своим единственным союзником Пилар?

– Извини, дорогой. Наверное, ты меня любишь. Но иногда мне приходится напоминать себе об этом.

– Но я действительно тебя люблю! Ты должна это знать.

– Наверное, в глубине души я это знаю.

Чтобы поверить, что Марк ее любит, Динне нужно было вспоминать счастливые моменты, которые они пережили вместе, какие-то жизненно важные вехи из прошлого, подтверждавшие его любовь. Наверное, из-за этих воспоминаний она и любила его до сих пор.

Марк вздохнул.

– Но тебе нужно гораздо больше, правда, дорогая? – Динна кивнула, вдруг сразу почувствовав себя молодой и смелой. – Тебе нужны мое время, мое внимание. Тебе нужно... enfin³, тебе нужно то, чего у меня нет, чего я не могу тебе дать.

– Неправда, ты вполне мог бы уделять мне больше времени. Мы могли бы что-то сделать вместе, как это было раньше. Seriously, могли бы!

Динна чувствовала, что стала похожа на жалкого ноющего ребенка, и ненавидела себя за это. Она сейчас снова была похожа на девочку, которая упрашивает отца взять ее с собой. Но ей была ненавистна сама мысль, что она вновь может так сильно в ком-то нуждаться, неважно в ком. Динна много лет назад дала себе клятву, что такое больше не повторится.

– Извини, я все понимаю.

Она опустила глаза и отодвинулась от Марка. Он очень пристально наблюдал за ней.

– Ты действительно понимаешь?

– Конечно.

– Ах, ma Diane...

Он привлек ее к себе и обнял, в его глазах была тревога, но Динна этого не заметила – ее собственные глаза застилали слезы. Наконец-то Марк произнес эти слова: «Ma Diane».

³ Наконец (*фр.*).

Глава 2

– На твоём банковском счете достаточно денег, должно хватить на все время, пока меня не будет. Но если тебе понадобится больше, позвони Доминик в офис, и она организует перевод. Я попросил Салливана, чтобы он за тобой присматривал, пусть навещает хотя бы два раза в неделю.

Динна удивилась:

– Ты просил его за мной присматривать? Но зачем?

Салливан был американским партнером Марка-Эдуарда и одним из немногих американцев, которые ему действительно нравились.

– Потому что я должен быть уверен, что у тебя все хорошо, что ты счастлива и у тебя есть все, что нужно.

– Спасибо, но, по-моему, обременять этим Джима неразумно.

– Ерунда, ему это будет приятно. Покажи ему свои последние картины, пригласи его на обед. Я доверяю Джиму.

Марк посмотрел на жену с улыбкой, и она улыбнулась в ответ:

– Мне ты тоже можешь доверять.

За восемнадцать лет брака Динна никогда не изменяла Марку и не собиралась начинать это сейчас.

– Я и так доверяю. Обещаю звонить так часто, как только смогу. Ты знаешь, где меня искать; если возникнет что-нибудь срочное, просто позвони. Если меня не будет на месте, мне передадут, и я перезвоню при первой же возможности.

Динна молча кивнула и тихо вздохнула. В салоне «Ягуара» повисло молчание. Марк повернулся к жене, и на мгновение в его глазах промелькнула тревога.

– Динна, ты правда не против остаться одна?

Динна встретила с ним взглядом и кивнула:

– Конечно, ничего со мной не случится. Но я буду ужасно по тебе скучать.

Марк снова перевел взгляд на дорогу.

– Время пролетит незаметно. Но если ты передумаешь, то всегда можешь приехать к маме и Пилар на мыс Антиб. – Он снова улыбнулся Динне. – Хотя сомневаюсь, что ты приедешь.

Динна ответила улыбкой на его улыбку:

– Не приеду.

– Ну и упрямая же ты. Возможно, за это я тебя и люблю.

– Вот как? А я-то все спрашивала себя – за что? – Динна посмотрела на красивый профиль мужа, и в ее глазах вспыхнули насмешливые огоньки.

– Береги себя, не работай слишком уж много.

Однако оба понимали, что это совершенно бесполезное предостережение. Марк улыбнулся с нежностью:

– Ладно, не буду.

– Будешь.

– Буду.

– И будешь наслаждаться каждой минутой своей работы. – Это тоже была чистая правда. – Надеюсь, дело Салко решится в твою пользу.

– Непременно, в этом можешь даже не сомневаться.

– Марк-Эдуард Дюра, вам кто-нибудь уже говорил сегодня, что вы возмутительно самоуверенны?

– Только один человек: женщина, которую я люблю.

Подъехав к аэропорту, Марк свернул на боковую дорогу, сбавил скорость и дотянулся до руки Динны. Она нежно сжала его пальцы в своих. Этот жест напомнил ей о прошлой ночи, о единении их тел и душ, которое в последнее время стало таким редким. Она бережно хранила это воспоминание. «Ma Diane».

– Я люблю тебя, Марк. – Динна поднесла его руку к губам и нежно поцеловала кончики пальцев. – Жаль, что у нас мало времени.

– Мне тоже жаль. Но когда-нибудь оно у нас будет.

«Да, но когда?» Динна осторожно положила руку Марка обратно на сиденье, но продолжала слегка сжимать его пальцы.

– Кстати, когда ты вернешься, мы могли бы поехать куда-нибудь вдвоем? В отпуск.

Динна наблюдала за мужем широко распахнутыми глазами, в этом было что-то по-детски трогательное. Она по-прежнему его желала, хотела быть с ним, принадлежать ему. После стольких лет брака она не охладела к мужу. Иногда Динна сама удивлялась, что она все еще так сильно любит Марка.

– Куда бы ты хотела поехать?

– Все равно куда, лишь бы мы были вместе. «И только вдвоем».

Марк-Эдуард затормозил у терминала, повернулся к Динне и молча посмотрел на нее долгим взглядом. На какое-то мгновение Динне показалось, что в его глазах мелькнуло сожаление.

– Мы обязательно это сделаем. Сразу же, как только я вернусь. – Он помолчал и, казалось, затаил дыхание. – Динна, я...

Динна ждала, но Марк так и не закончил фразу. Он положил руки ей на плечи и крепко обнял. Руки Динны сами собой обняли его. Она зажмурилась. Марк даже не представлял себе, как он ей нужен. По ее лицу медленно потекли слезы. Почувствовав, что она дрожит, Марк отстранил Динну от себя и с удивлением посмотрел ей в лицо.

– Tu pleurs? Ты плачешь?

– Un peu. Немножко.

Марк улыбнулся: Динна давно не отвечала ему по-французски.

– Жалко, что тебе нужно ехать. Если бы ты мог остаться...

Если бы он мог остаться, они смогли бы какое-то время пожить вдвоем, без Пилар.

– Мне бы тоже этого хотелось.

Но оба понимали, что Марк говорит неправду. Он вынул ключи из замка зажигания, открыл дверцу и знаком позвнал носильщика.

Динна шла рядом с Марком, погруженная в свои мысли. Они дошли до зала ожидания первого класса, где Марк обычно ждал посадки на самолет. Динна села в кресло рядом с мужем и улыбнулась ему, но он уже стал другим, мысленно он уже улетел, интимный момент в салоне «Ягуара» был почти забыт. Марк проверил какие-то бумаги в «дипломате» и посмотрел на часы. У него было еще десять минут в запасе, но, казалось, ему вдруг захотелось поскорее уйти.

– Ну, мы ничего не забыли обсудить в машине? Ты не хочешь передать что-нибудь Пилар?

– Передай ей, что я ее люблю. Ты к ней заедешь перед поездкой в Афины?

– Нет, но сегодня вечером я ей позвоню.

– И мне тоже позвонишь?

Динна посмотрела на гигантские часы на стене, секундная стрелка неумолимо отсчитывала время.

– И тебе тоже. Ты сегодня никуда не собираешься?

– Нет, мне нужно закончить кое-какую работу в студии.

– Тебе нужно заняться чем-нибудь интересным, чтобы не чувствовать себя одинокой.

«Я не буду чувствовать себя одинокой. Я привыкла». И снова Динна не произнесла свои мысли вслух.

– У меня все будет отлично.

Она закинула ногу на ногу и посмотрела на свои колени. Сегодня на ней были новое шелковое платье цвета лаванды и лиловые серьги с нефритами в обрамлении мелких бриллиантов, которые Марк привез ей из Гонконга. Но Марк ничего не замечал, его мысли были заняты другим.

– Динна?

– Что?

– Динна...

– Да?

Динна подняла голову и увидела, что Марк с «дипломатом» в руке уже стоит. В его глазах светилась хорошо знакомая ей победная улыбка. Мысленно он уже вступил в бой, он был снова далек от нее, снова свободен.

– Тебе пора? Так скоро?

Марк кивнул. Динна тоже встала. Когда она сидела, а он стоял, его внушительные размеры подавляли Динну, она чувствовала себя Дюймовочкой, но рядом с ним она смотрелась идеально. Они вообще были поразительно красивой парой, и так было всегда. Даже мадам Дюра, его мать с ледяными глазами, и та однажды это признала. Один раз.

– Тебе необязательно провожать меня до выхода. – Марк, казалось, уже отдалился от нее.

– Необязательно, но мне бы этого хотелось. Ты против?

– Конечно, нет.

Марк придержал для нее дверь, они вышли из зала ожидания первого класса в суету терминала и тут же оказались окруженными со всех сторон армией путешественников с чемоданами, пакетами, гитарами. К выходу на посадку они пришли раньше времени. Марк посмотрел на Динну и сказал с улыбкой:

– Я тебе позвоню вечером.

– Я тебя люблю.

Марк не ответил, но наклонился и поцеловал ее в лоб. Потом выпрямился и зашагал к переходу, ведущему в самолет. Динна провожала его взглядом, пока он не скрылся из виду, потом медленно повернулась и пошла обратно. «Я тебя люблю». В ее мозгу эхом отдавались ее собственные слова. Но Марк не ответил, мыслями он был уже не с ней.

Динна села в машину, со вздохом повернула ключ зажигания и поехала домой.

Она быстро поднялась наверх, чтобы переодеться, и, погруженная в свои мысли, весь день провела в студии. Рассеянно делая наброски, Динна вышла на террасу подышать свежим воздухом, когда в дверь студии негромко постучали и в комнату несмело вошла Маргарет. Динна удивилась.

– Миссис Дюра, я... прошу прощения...

Маргарет знала, что Динна очень не любит, когда ее беспокоят в студии, но иногда у нее просто не оставалось выбора. Динна обычно отключала в студии телефон.

– Что-нибудь случилось?

Она стояла посреди комнаты с несколько отрешенным видом, ее волосы были распущены по плечам, руки – в карманах джинсов.

– Нет, просто к вам приехал мистер Салливан.

– Джим? – удивилась Динна.

Потом она вспомнила: Марк-Эдуард предупредил, что Джим будет ее навещать. Динна отметила про себя, что Джим времени зря не теряет, впрочем, он всегда выполнял указания своего партнера с большим рвением.

– Я сейчас спущусь.

Маргарет кивнула. Она сделала все правильно: Динна определенно не хотела бы, чтобы Джим поднялся в ее студию. Маргарет проводила Джима в Зеленую гостиную и предложила чашку чая, от которой гость с улыбкой отказался. Он был абсолютно не похож на Марка-Эдуарда, они являли собой полную противоположность друг другу. Маргарет всегда относилась к Джиму с симпатией. У этого американца были несколько грубоватые черты и легкий, добродушный нрав, а глаза всегда таили обещание открытой ирландской улыбки.

Когда Динна вошла в гостиную, Джим стоял у окна и смотрел на туман, поднимающийся над заливом. Казалось, чья-то невидимая рука тянет за веревочку огромные клубы белой ваты, которые проплывают между пролетами моста и висят в воздухе над яхтами.

– Здравствуйте, Джим.

– Добрый день, мадам.

Джим отвесил легкий поклон и сделал движение, как бы собираясь поцеловать ей руку. Но Динна со смехом отмахнулась и подставила ему щеку, которую он и поцеловал без церемоний.

– Признаться, это мне и самому больше нравится, а то искусство целовать руку я так и не освоил в совершенстве. Никогда не могу понять, собирается ли женщина пожать мне руку или ждет, что я эту руку поцелую. Пару раз мне чуть нос не сломали – те, кто как раз собирался здороваться за руку.

Динна рассмеялась и села.

– Вам нужно попросить Марка, пусть даст вам несколько уроков. У него по этой части талант, уж не знаю, потому ли, что он француз, или у него просто хорошо развита интуиция. Выпьете что-нибудь?

– С удовольствием. – Джим понизил голос до заговорщического шепота. – Маргарет, кажется, считает, что мне следовало выпить чая.

– Какой кошмар!

Динна снова рассмеялась. Она подошла к отделанному инкрустацией бару и под одобрительным взглядом Джима достала два стакана и бутылку шотландского виски.

– Динна, вы пьете?

Джим спросил это небрежно, но он явно был удивлен. Он никогда не видел, чтобы Динна пила виски. Возможно, у Марка-Эдуарда все-таки были веские причины попросить его навещать жену. Но Динна замотала головой:

– Я собираюсь налить себе воды со льдом. А вы встревожились?

Передавая Джиму стакан, она посмотрела на него с насмешливым интересом.

– Немного.

– Не беспокойтесь, я еще не пристрастилась к выпивке от одиночества. – В глазах Динны появилось тоскливое выражение. Она отпила из стакана и аккуратно поставила его на мраморный столик. – Но это лето обещает быть ужасно длинным.

Она вздохнула, посмотрела на Джима и улыбнулась. Он похлопал ее по руке.

– Я знаю. Может быть, мы с вами как-нибудь сходим в кино?

– Джим, вы очень славный, но неужели у вас нет занятий поинтереснее?

Динна знала наверняка, что есть. Четыре года назад Джим развелся и сейчас жил с моделью, которая несколько месяцев назад переехала из Нью-Йорка. Джиму нравились женщины такого типа, а они обожали его. Высокий, красивый, атлетического сложения, с голубыми глазами ирландца и черными как вороново крыло волосами, едва тронутыми сединой, Джим действительно во всех отношениях был полной противоположностью Марку-Эдуарду. Там, где Марк был формальным, Джим был непринужденным; Марк придерживался европейских манер, а Джим был стопроцентным американцем, при этом, на удивление, непритязательным, опять же в отличие от Марка-Эдуарда, который почти не скрывал своего снобизма. Динну удивляло, что Марк выбрал своим партнером именно Джима, однако это был очень мудрый

выбор. Они с Джимом прекрасно дополняли друг друга, каждый был своего рода светилом, но сияли они по-разному и двигались по совершенно разным орбитам. В светской жизни Дюра очень редко пересекались с Джимом. У Джима была другая жизнь, вполне насыщенная, и своя коллекция моделей, которая сейчас сократилась до одной женщины, вероятно, до поры до времени – Джим никогда не оставался надолго с одной и той же женщиной.

– Чем вы сейчас занимаетесь?

Джим улыбнулся:

– Как обычно – работаю, играю. А вы?

– Как обычно, занимаюсь всякой ерундой в своей студии. – Динна, по обыкновению, принижала свои занятия живописью.

– А как насчет лета? У вас есть какие-то планы?

– Пока нет, но будут. Возможно, я съезжу в друзьям в Санта-Барбару или еще куда-нибудь.

– Боже!

Джим состроил такую гримасу, что Динна расхохоталась:

– Что в этом плохого?

– Чтобы получить удовольствие от такого отдыха, вам надо быть восьмидесятилетней дамой. Почему бы вам не поехать в Беверли-Хиллз? Притворитесь, что вы кинозвезда, ходите на ленч в «Поло-лонж» и делайте вид, что принимаете вызовы на пейджер.

Динна снова рассмеялась:

– А что, вы именно так развлекаетесь?

– Конечно. Каждый уик-энд. – Джим усмехнулся, поставил на стол пустой стакан и посмотрел на часы. – Ладно, не важно. Я запросто могу устроить это для вас в любое время, но сейчас, – закончил он с явным сожалением, – мне нужно бежать.

– Спасибо, что зашли. Признаться, я чувствовала себя немного не в своей тарелке. Так странно, что нет ни Марка, ни Пилар.

Джим кивнул, вдруг посерьезнев. Ему было знакомо это чувство – он сам испытывал то же некоторое время после того, как его жена и двое детей уехали от него. Тогда ему казалось, что он сойдет с ума от одной только тишины в доме.

– Я вам позвоню.

– Хорошо. И вот еще что, Джим... – Динна посмотрела на него долгим взглядом. – Спасибо.

На прощание Джим взлохматил ее длинные темные волосы и поцеловал в лоб. Садясь в свой черный «Порше», он помахал Динне рукой с мыслью, что Марк, наверное, сумасшедший.

Динна Дюра была единственной женщиной, про которую Джим мог сказать, что готов отдать почти все ради того, чтобы ее заполучить. Он, конечно, был не настолько глуп, чтобы играть с огнем таким манером, но это не мешало ему считать Дюра сумасшедшим. Может, Марк даже не замечает, как красива его жена? Или замечает? С этими мыслями Джим уехал.

Динна вошла в дом и бесшумно закрыла за собой дверь. Она посмотрела на часы, думая о том, скоро ли позвонит Марк. Он обещал позвонить вечером. Со стороны Джима Салливана было очень любезно навестить ее.

Но Марк так и не позвонил, зато утром пришла телеграмма: «Вылетаю в Афины. Для звонка время неподходящее. Все в порядке. У Пилар все хорошо. Марк».

Кратко и исключительно по делу. Но почему он не позвонил? «Для звонка время неподходящее», – еще раз перечитала Динна. Неподходящее время...

Динна перечитала телеграмму несколько раз и в конце концов выучила ее наизусть. Она все еще стояла с телеграммой в руках, когда зазвонил телефон.

– Динна?

Бодрый голос Ким Хаутон вывел ее из задумчивости. Ким жила всего в нескольких кварталах от Дюра, но ее жизнь разительно отличалась от жизни Динны. Дважды разведенная, Ким была свободной, жизнерадостной и отличалась независимым характером. Когда-то она вместе с Динной училась в школе искусств, но в искусстве она никогда особенно не блистала и теперь работала в рекламном бизнесе, где была главной творческой силой. Ну а для Динны Ким была самой близкой подругой.

– Привет, Ким, что у тебя новенького?

– Не много. Я была в Лос-Анджелесе, умасливала одного нового клиента. Понимаешь, этот гад только начал работать и уже просит окончательный расчет, а заказ числится за мной. – Ким упомянула название национальной сети отелей, для которой она проводила рекламную кампанию. – Может, встретимся за ленчем?

– Не могу, я занята.

– Чем же, интересно? – скептически поинтересовалась Ким.

Она всегда чувствовала, когда подруга говорила неправду.

– Я уже обещала принять участие в благотворительном ленче. Мне нужно идти.

– Да брось ты. Направь свою благотворительность на меня. Мне нужен твой совет, и вообще я в депрессии.

Динна рассмеялась. У Кимберли Хаутон никогда не бывало депрессии. Даже разводы не ввергали ее в депрессию. Обычно она быстро приходила в себя и перемещалась на более тучные пастбища. На это у нее уходило не больше недели.

– Ну давай же, посиди со мной в кафе. Мне нужна передышка, мне просто необходимо вырваться отсюда.

– Мне тоже, – сказала Динна.

Она оглядела бархатно-шелковое великолепие своей спальни, пытаясь избавиться от ощущения подавленности. Забывшись на минуту, она допустила слабость в голосе.

– Что это значит? – тут же спросила Ким.

– Это значит, что Марк в отъезде. Пилар уехала два дня назад, а он только вчера.

– Боже, неужели ты этим не наслаждаешься? Тебе нечасто выпадает такая передышка, когда они оба уезжают. На твоём месте я бы бегала по гостиной голышом и созвала бы в гости всех друзей.

– Пока я буду голышом или потом, когда оденусь? – со смехом уточнила Динна, перебрасывая ноги через подлокотник кресла.

– Все равно когда. Послушай, раз так, ленч отменяется, предлагаю пообедать вместе.

– Предложение принято. Тогда днем я смогу еще немного поработать в студии.

– А я думала, что ты собираешься на благотворительный ленч. – Динна отчетливо поставила усмешку Ким. – Я тебя подловила.

– Иди к черту.

– Спасибо. Значит, обедаем в семь в «Треjder Вике».

– Встретимся прямо там.

– До скорого.

Вешая трубку, Динна улыбалась. «Спасибо Ким, умеет она поднять настроение».

– Ты потрясающе выглядишь. Новое платье?

Увидев Динну, подходившую к столику, Кимберли поставила стакан. Две женщины улыбнулись друг другу, обменявшись взглядом закадычных подруг. Динна и в самом деле была хороша в белом кашемировом платье. В меру облегающее, платье подчеркивало все достоинства фигуры и оттеняло ее темные волосы и большие зеленые глаза.

– Ты тоже неплохо выглядишь.

У Ким была фигура того типа, который обычно нравится мужчинам, – щедрая на округлости, полная обещания. Ее голубые глаза поражали живостью, а улыбка ослепляла каждого, кто ее видел. Ким вот уже двадцать лет носила одну и ту же прическу, коротко подстригая свои выющиеся светлые волосы. Она не обладала ошеломляющей элегантностью Динны, но умела одеваться, а ее теплота была поистине неотразима. Ким всегда выглядела так, словно хотела сразить наповал с десятков мужчин, и обычно ей это удавалось. Если не десятерых, то одного-двух уж точно. В этот вечер на Ким были синий бархатный брючный костюм и красная шелковая блузка, расстегнутая так низко, что в вырезе проглядывали пышные груди, в ложбинке между которыми, соблазнительно покачиваясь на тонкой золотой цепочке, сверкала бриллиантовая подвеска. Деталь, приковывавшая взгляд, – как будто в этой уловке была необходимость.

Динна села за стол, заказала себе напиток и бросила норковое манто на свободный стул. Ким даже не взглянула на мех, она выросла среди всего этого, и ее не интересовали ни меха, ни деньги, для нее важнее всего были независимость и возможность хорошо провести время. Она всегда старалась, чтобы у нее было вдоволь и того, и другого.

– Ну, что новенького? Наслаждаешься свободой?

– Более или менее. Знаешь, это первый случай, когда мне оказалось трудновато привыкнуть к свободе. – Динна вздохнула и сделала глоток из бокала.

– Ты меня удивляешь. Марк столько разъезжает, я думала, ты уже давно к этому привыкла. Да и вообще, небольшая доза независимости пойдет тебе на пользу.

– Наверное. Но его не будет целых три месяца. Мне кажется, это целая вечность.

– Три месяца? – Голос Ким вдруг утратил искристую живость, освежавшую, словно шампанское, в глазах возник вопрос: – Как это вышло?

– У него крупное дело, из-за которого ему придется часто ездить из Парижа в Афины и обратно. Летать в перерывах домой не имеет смысла.

– А взять тебя с собой? Это тоже не имеет смысла?

– Очевидно, нет.

– Что это значит? Ты его спрашивала?

Ким допрашивала Динну, прямо как заботливая мамаша. Динна улыбнулась:

– Можно сказать, что спрашивала. Марк будет очень занят делами, и если я поеду с ним, то кончится тем, что мне придется торчать с мадам Дюра.

Ким была уже наслышана от подруги о тяжелом характере матери Марка-Эдуарда.

– Паршивый вариант.

– Вот именно, хотя Марку я ответила немного в других выражениях. Так что, *voilà*, этим летом я осталась сама по себе.

– И всего через два дня возненавидела свое положение. Верно я говорю? – Ким сама ответила на свой вопрос: – Верно. А почему бы тебе не поехать куда-нибудь?

– Куда?

– Господи, Динна, да куда угодно. Я уверена, что Марк не стал бы возражать.

– Может быть, и не стал бы, но мне не хочется путешествовать в одиночку.

Динне никогда не приходилось путешествовать одной, сначала она ездила с отцом, потом с Пилар и Марком.

– Да и куда я поеду? Джим Салливан сказал, что в Санта-Барбаре мне будет скучно.

Динна сказала это с таким жалобным видом, что Ким засмеялась:

– Салливан прав. Бедная богатая девочка! Я завтра собираюсь в Кармел, может, поедешь со мной? Мне нужно в выходные встретиться с одним клиентом, а ты можешь поехать за компанию.

– Ким, это глупо, я буду тебе мешать.

Однако предложение показалось Динне заманчивым. Она много лет не была в Кармеле, да и ехать туда недалеко, всего пару часов.

– Чем ты можешь мне помешать? У меня же с этим парнем не любовное свидание, это чисто деловая встреча. А мне с тобой будет веселее. Ехать одной – такая тоска.

– Ты недолго бываешь одна, – со смехом заметила Динна.

Под ее многозначительным взглядом Ким тоже засмеялась:

– Эй, поосторожнее с моей репутацией! – Все еще улыбаясь, она склонила голову набок. – Seriously, поехали? Я была бы рада.

– Посмотрим.

– Нет, не посмотрим. Ты едешь со мной. Решено? Решено.

– Кимберли...

Динна невольно рассмеялась. Ким подытожила с победной улыбкой:

– Я заеду за тобой в половине шестого.

Глава 3

Подъехав к дому Дюра, Ким дважды просигналила. Динна выглянула из окна спальни, схватила сумку и сбежала вниз по лестнице. Она чувствовала себя словно девчонка, которая отправляется на выходные в какое-то авантюрное путешествие с подружкой. Даже машина Ким и та не походила на средство передвижения взрослой женщины – это был допотопный «MG», выкрашенный в ярко-красный цвет.

Динна вышла из дома с большой кожаной сумкой в руке. Она была в серых брюках и сером свитере.

– Ты приехала минута в минуту. Как прошел день?

– Ужасно, лучше не спрашивай.

– Ладно, не буду.

Они стали говорить на другие темы, самые разные: о Кармеле, о последней картине Динны, о Пилар и ее друзьях. Потом некоторое время ехали в необременительном молчании. Уже подъезжая к Кармелу, Кимберли покосилась на подругу и заметила в ее глазах мечтательное выражение.

– Даю пенни за твои мысли.

– Так мало? Ну нет, они должны стоить как минимум пять или даже десять центов.

Но своей попыткой отшутиться Динна не обманула подругу.

– Ну хорошо, даю десять центов. Но сначала я попробую отгадать. Ты думала о Марке?

– Да, – тихо сказала Динна, глядя вдаль, на море.

– Неужели ты действительно так сильно по нему скучаешь?

Отношения Динны и Марка давно вызывали у Ким недоумение. Сначала ей казалось, что это брак по расчету, но потом она поняла, что это не так. Динна по-настоящему любила мужа. Возможно, даже слишком сильно.

Динна отвела взгляд:

– Да, я по нему очень скучаю. По-твоему, это глупо?

– Нет. Наверное, это достойно восхищения. Или чего-то в этом роде.

– Да нет. Восхищение тут ни при чем.

Ким рассмеялась и покачала головой:

– Дорогая моя, на мой взгляд, прожить восемнадцать лет с одним мужчиной – это не просто поступок, достойный восхищения, это настоящий подвиг.

– Ну почему же подвиг? – усмехнулась Динна. – Я люблю Марка. Он красивый, образованный, умный, остроумный, обаятельный.

И их ночь любви перед самым отъездом Марка оживила некоторые из приятных воспоминаний.

– Да, он такой, – сказала Ким, не отрывая взгляда от дороги.

Однако Ким и раньше задавала себе вопрос, не кроется ли здесь нечто большее. Она спрашивала себя, нет ли у Марка-Эдуарда некоей стороны, которая никому не известна, – теплой, любящей, не имеет ли личность этого красивого и обаятельного мужчины еще одного, неизвестного ей измерения. Если бы ко всему прочему у него была еще и подлинная, живая сторона, которая умеет смеяться и плакать, то тогда, по мнению Ким, он действительно был бы мужчиной, достойным любви.

– Лето будет очень длинным, – со вздохом сказала Динна. – Расскажи мне про клиента, с которым ты сегодня встречаешься. Это кто-то новый?

– Да. Он настоял на том, чтобы наша встреча прошла в Кармеле. Он живет в Сан-Франциско, но у него есть дом и в Кармеле. Понимаешь, он едет из Лос-Анджелеса и предложил встретиться как бы на полпути, считая, что это наиболее приятное место, чтобы обсудить заказ.

– Как цивилизованно.

Ким улыбнулась:

– Да, очень.

К отелю они подъехали около восьми часов вечера. Ким вышла из «MG», тряхнула кудрями и посмотрела на Динну, которая со стоном опускалась на тротуар затекшие от долгого сидения ноги.

– Как думаешь, ты выживешь? – в шутку поинтересовалась Ким. – Я понимаю, моя тачка не самая удобная для путешествий.

– Ничего, я переживу.

Динна огляделась. Места были ей знакомы, в самом начале семейной жизни они с Марком часто уезжали в Кармел на выходные. Они бесцельно бродили по магазинам, заходили в уютные ресторанчики, освещенные свечами, гуляли по пляжу, проходя по несколько миль. Оказаться в том же месте снова, но уже без Марка-Эдуарда, было одновременно и приятно, и немного горько.

Крошечный отель отличался причудливой архитектурой. Фасад был построен во французском провинциальном стиле, подвесные деревянные ящики под окнами были полны ярких цветов и сами были выкрашены в яркие, жизнеутверждающие тона.

Внутри они увидели открытые потолочные балки, большой камин, обрамленный полками с медными котелками, и голубые обои с мелким рисунком, напоминающим роспись на веджвудском фарфоре. Отель выглядел очень по-французски, и Динна подумала, что Марку-Эдуарду он бы наверняка понравился.

Кимберли зарегистрировалась у портье и передала ручку Динне.

– Я попросила дать нам два соседних номера. Ты не против?

Динна кивнула с облегчением. Она предпочитала жить в номере одна, и ей совсем не хотелось делить его с Кимберли.

– Отлично, – сказала она.

Динна заполнила регистрационную карточку, и портье повел их по коридору. Минут через пять в дверь номера Динны постучалась Ким.

– Хочешь кока-колу? Я купила внизу две банки.

Ким вошла в номер, растянулась на кровати и протянула подруге холодную банку. Динна открыла банку, сделала большой глоток, села в кресло и вздохнула:

– Мне здесь очень нравится. Как хорошо, что я поехала.

– Я тоже рада. Без тебя мне было бы ужасно скучно. Завтра, когда я закончу с делами, у нас еще, вероятно, останется время походить по магазинам. Или ты предпочитаешь вернуться в город пораньше? У тебя есть какие-нибудь планы?

– Никаких! И это здорово. Я могу вообще не возвращаться. Без Марка и Пилар дом как склеп.

Кимберли подумалось, что и при них дом Дюра похож на склеп ничуть не меньше, но она не стала делиться этой мыслью с Динной. Ким знала, что Динна любит свой дом и что безопасность семьи значит для нее очень много. Динна и Ким познакомились в школе искусств вскоре после смерти отца Динны, когда девушка осталась одна и абсолютно без средств. Ким видела, как подруга изо всех сил старается прожить на мизерные деньги, которые ей удавалось заработать. Она была с Динной, когда за той стал ухаживать Марк, и видела, как Динна постепенно начала ему доверять, затем стала полагаться на Марка все больше и больше, пока в конце концов не сделалась полностью зависимой от него. Ким видела, как Марк осторожно, но неотвратимо забирает ее подругу под свое крыло, он действовал нежно, но с решимостью человека, который не привык и не собирается проигрывать. А потом Ким довелось наблюдать, как Динна устраивалась в уютном, защищенном и безопасном гнездышке, в котором и засела

почти на двадцать лет. Динна утверждала, что счастлива. Возможно, так оно и было, но Ким не могла бы это утверждать.

– Может, ты хочешь пообедать в каком-нибудь определенном месте? – спросила Ким, допив кока-колу.

– На пляже. Динна с грустью посмотрела в окно на море.

– «На пляже»? Не знаю такого ресторана.

Динна засмеялась:

– Я имела в виду настоящий пляж, а не ресторан с таким названием. Предлагаю прогуляться по пляжу.

– Прямо сейчас? – удивилась Ким.

Было только половина девятого, и еще не стемнело, но Ким не терпелось поскорее начать свой вечер и осмотреться по сторонам.

– Может, лучше отложить прогулку на завтра? Мы могли бы пойти на пляж после моей встречи с клиентом.

Ким явно не соблазняли прибой и белый песок. Но Динну они манили. Она поставила банку на стол и решительно покачала головой:

– Нет, я не хочу так долго ждать. Ты собираешься переодеваться перед рестораном? – Ким кивнула. – Тогда, пока ты переодеваешься, я прогуляюсь. Мне переодеваться не нужно, я пойду в ресторан в том, что на мне сейчас.

Ее кашемировый свитер и серые брюки выглядели так же безукоризненно, как и до поездки в машине.

– Смотри, не заблудись на пляже.

– Не заблужусь. – Динна неуверенно улыбнулась подруге. – Я чувствую себя ребенком, которому не терпится выйти на улицу поиграть.

«И посмотреть на закат, и вдохнуть полной грудью морской воздух... и вспомнить дни, когда мы с Марком, держась за руки, гуляли по этому самому пляжу».

– Я вернусь через полчаса.

– Можешь не торопиться, я собираюсь принять горячую ванну. Нам спешить некуда, можем пообедать и в половине десятого или в десять.

Ким решила заказать столик в Викторианском зале «Пайн инн».

– Тогда я пошла.

Динна помахала рукой и улыбнулась. Она надела пиджак и прихватила с собой шарф – знала, что на пляже будет ветрено. Когда она выходила из отеля, уже начинал опускаться туман.

Динна прошла по главной улице Кармела, лавируя между туристами, которые еще не разошлись по своим отелям или ресторанам. Люди улыбались, выглядели отдохнувшими, несмотря на то что их руки были заняты многочисленными пакетами с покупками, а вокруг них крутились их дети. Динне вспомнилось, как она приезжала сюда вместе с Марком и Пилар. Казалось, это было миллион лет назад. Пилар было тогда девять лет, она была жизнерадостной непоседой. Выйдя на закате с родителями на вечернюю прогулку по пляжу, девочка собирала ракушки и выброшенные морем деревяшки; убегая вперед, она то и дело возвращалась к родителям, чтобы похвалиться очередным «сокровищем». Динна и Марк неторопливо брели по песку и разговаривали.

Динна дошла до конца улицы и остановилась, чтобы посмотреть на бескрайнее пространство пляжа. Даже Марк признавал, что во Франции ничего подобного нет. Безупречно белый песок, живописные волны, накатывающие на берег, чайки, кружащиеся над водой. Динна глубоко вздохнула и еще раз окинула взглядом всю картину. Был прилив. Она сунула шарф в карман, сняла туфли и, чувствуя под ногами шероховатость песка, подбежала к воде и остановилась у самой кромки. Ветер трепал ее волосы. Динна закрыла глаза и улыбнулась. Прекрасное место, особый мир, который она на много лет похоронила в своей памяти. Почему она

так долго сюда не возвращалась? Динна снова вздохнула и побрела вдоль кромки воды, держа туфли в руках. Ее так и подмывало станцевать на песке, как в детстве.

Некоторое время она шла по берегу, потом остановилась, чтобы взглянуть на последние отблески золота над горизонтом. Небо постепенно лиловело, с моря на берег наползало густое облако тумана. Динна не знала, сколько она простояла так, глядя на море. Наконец она повернулась, медленно пошла к дюнам и села среди высокой травы, подтянув колени к груди. Некоторое время она смотрела на море, потом положила голову на колени и закрыла глаза, слушая шум прибоя и чувствуя безотчетный прилив радости.

– Хорошо, правда?

Динна вздрогнула от неожиданности, услышав рядом с собой незнакомый мужской голос. Открыв глаза, она увидела, что около нее стоит высокий брюнет. В первое мгновение она испугалась, но мужчина улыбался такой доброй улыбкой, в его взгляде было столько теплоты, что бояться его было просто невозможно. Глаза у незнакомца были глубокого темно-зеленого цвета, как море.

Судя по фигуре, в колледже он скорее всего был футболистом. Волосы у него были такие же темные, как у Динны, и тоже взлохмачены ветром. Он внимательно смотрел на Динну.

– В это время суток мне нравится здесь больше всего, – сказал он.

– Мне тоже.

Динна поймала себя на мысли, что ей легко разговаривать с этим незнакомцем. Самое удивительное, что, когда он сел рядом, это не вызвало у нее досады. Она застенчиво посмотрела на мужчину и улыбнулась:

– А я думала, что я на пляже одна.

– Так, наверное, и было, я подошел позже. Извините, если я вас испугал. – Мужчина снова улыбнулся теплой, искренней улыбкой. – Я живу здесь неподалеку. – Он кивнул в сторону небольшой рощицы искривленных частыми ветрами деревьев. – Обычно я прихожу сюда каждый вечер. А сегодня я только что вернулся из поездки, меня не было три недели. Уезжая, я каждый раз заново понимаю, как сильно привязан к этому месту, и каждый раз чувствую потребность прогуляться по пляжу, посмотреть на все это. – Он посмотрел на море.

– Вы здесь живете круглый год?

Динна поймала себя на мысли, что разговаривает с незнакомцем как со старым другом, но было в нем нечто такое, отчего она почувствовала себя рядом с ним совершенно непринужденно.

– Нет, но я всегда приезжаю сюда на выходные, когда удастся вырваться. А вы?

– Я очень давно здесь не была. Мы приехали вдвоем с подругой.

– Вы остановились в городе?

Динна кивнула и, спохватившись, посмотрела на часы.

– Кстати, это мне напомнило, что пора возвращаться. Я вышла прогуляться по пляжу и, кажется, увлеклась.

Часы показывали половину десятого, а пока Динна разговаривала с мужчиной, угасли последние вечерние лучи. Она встала и улыбнулась:

– Вам повезло, вы можете приходить сюда, когда захотите.

Мужчина кивнул, но Динне показалось, что он не очень внимательно ее слушает. Зато он пристально всматривался в ее лицо, и Динна впервые с тех пор, как он появился, почувствовала странное тепло, у нее покраснели щеки, и она немного смутилась.

– А вы знаете, что с развевающимися на ветру волосами вы очень похожи на женщину с картины Эндрю Уайета? Я сразу об этом подумал, как только увидел вас на этой дюне. Вы знакомы с его работами?

В глазах мужчины появилось очень сосредоточенное выражение, казалось, он пытался запомнить ее лицо и густую массу волос. Динна улыбнулась:

– Я очень хорошо знаю его работы. – В детстве она обожала Уайета, это было еще до того, как она поняла, что ей гораздо ближе импрессионизм. – Когда-то я знала их все.

– Все?

Глаза цвета моря сохранили внутреннюю теплоту, но в них появилось и чуть насмешливое выражение.

– Я так думала.

– И вы знаете картину, на которой изображена женщина на пляже?

Ненадолго задумавшись, Динна замотала головой.

– А хотите ее увидеть?

Стоящий рядом с Динной незнакомец чем-то напоминал взбудораженного мальчишку с ясным взглядом. Но выражению его глаз противоречили далеко не детский разворот плеч и седые нити в волосах.

– Ну так как, хотите?

– Я... вообще-то мне пора возвращаться. Но все равно спасибо, – смущенно закончила Динна.

На вид мужчина не казался опасным, но тем не менее он был всего лишь незнакомцем, которого она повстречала на пляже. Динну вдруг осенило, что с ее стороны было вообще неразумно вступать с ним в разговор, оставаться наедине в темноте, на пустом пляже.

– Я правда не могу. В другой раз.

– Я понимаю.

Энтузиазм в его взгляде немного остыл, но улыбка осталась прежней.

– И все равно это прекрасная картина, а женщина очень похожа на вас.

– Спасибо, вы очень любезны.

Динна не знала, как с ним попрощаться, сам он, казалось, вовсе не собирался возвращаться домой.

– Можно вас проводить? На пляже стало довольно темно, вам не стоит ходить одной. – Мужчина усмехнулся, шуря от ветра. – Вдруг к вам пристанет какой-нибудь незнакомец?

Динна засмеялась и кивнула. Они стали спускаться по пологому склону дюны к морю.

– Скажите, как случилось, что вы полюбили Уайета?

– Я считала его величайшим художником Америки. Но потом... – Динна виновато посмотрела на спутника, – потом я влюбилась во французских импрессионистов. Боюсь, про Уайета я совсем забыла. Ну, может быть, не забыла окончательно, но в какой-то степени я его разлюбила.

Они шли бок о бок, чувствуя себя друг с другом вполне непринужденно. Кроме них, на пляже никого не было, тишину нарушал только шум прибоя. Динна вдруг рассмеялась. Все было так странно и немного нелепо: она в Кармеле, идет по песку и беседует об искусстве с незнакомым мужчиной. Как рассказать об этом Ким? А может, вообще не рассказывать? У Динны мелькнула мысль не говорить никому о новом знакомом: короткая и совершенно случайная встреча с незнакомым мужчиной в сумерках на безлюдном берегу – если разобраться, и рассказывать-то не о чем.

– Вы всегда так быстро забываете свои влюбленности?

Это была всего лишь одна из тех глупостей, которые порой говорят друг другу незнакомые люди, когда нечего больше сказать, но Динна улыбнулась:

– Обычно – нет. Только когда в деле замешаны французские импрессионисты.

Мужчина глубокомысленно кивнул:

– Резонно. Вы рисуете?

– Немного.

– В стиле импрессионистов? – Казалось, он знал ответ заранее. Динна кивнула. – Мне бы хотелось увидеть ваши работы. Они где-нибудь выставляются?

Динна замотала головой и посмотрела на море: на волнах уже заблестела лунная дорожка.

– Нет. Уже нет. Яставлялась всего один раз, и это было давно.

– Вы и живопись тоже разлюбили?

– Ни в коем случае. – Динна опустила голову, посмотрела на песок, потом снова перевела взгляд на мужчину. – Живопись – моя жизнь.

– Тогда почему вы неставляете свои работы? – Казалось, он ждал ее ответа с большим интересом, но Динна только пожала плечами.

Они дошли до того места, где она вышла на берег.

– Я пришла, здесь мне сворачивать.

Они остановились и посмотрели друг на друга в лунном свете. На какое-то мгновение у Динны возникло нелепое, сумасшедшее желание оказаться в объятиях сильных, надежных рук этого мужчины, завернуться в его ветровку вместе с ним.

– Было приятно с вами поговорить, – серьезно сказала она.

– Меня зовут Бен.

Чуть поколебавшись, Динна тоже представилась:

– Динна.

Бен пожал ей руку, повернулся и пошел по берегу обратно. Динна посмотрела ему вслед: широкие плечи, прямая спина, волосы, развевающиеся на ветру. Ей хотелось крикнуть «до свидания», но ветер унес бы ее слова и Бен бы их не услышал. Он вдруг оглянулся, и Динне показалось, что она видит в темноте, как он машет ей рукой.

Глава 4

Ким с обеспокоенным видом ждала Динну в вестибюле отеля.

– Где ты пропадала?

Динна пригладила растрепавшиеся волосы и улыбнулась. Щеки у нее покраснелись, глаза горели. При взгляде на подругу Ким пришло на ум выражение «светиться изнутри». Динна пустилась в торопливые объяснения:

– Извини, я не рассчитала и зашла дальше, чем собиралась. Возвращаться пришлось очень долго.

– Понятно. А я уже начала волноваться.

– Извини, – повторила Динна, на этот раз с таким покаянным видом, что Ким смягчилась и улыбнулась:

– Ну ладно, прощаю. Но подумать только... стоило отпустить девчонку одну на пляж, как она испарилась. Я решила, что ты встретила кого-то из знакомых.

– Нет. – Динна помолчала. – Я просто гуляла.

Подходящий момент рассказать Ким про Бена был упущен, но что она могла рассказать? Что встретила на пляже незнакомого мужчину и беседовала с ним об искусстве? В изложении это выглядело бы нелепо, по-ребячески или, еще того хуже, глупо и даже не совсем прилично. Кроме того, Динна вдруг поняла, что хочет сохранить этот маленький эпизод в тайне. Все равно она никогда больше не увидит Бена, так зачем трудиться кому-то что-то объяснять?

– Обедать готова?

– Еще как готова.

Подруги прошли два квартала до «Пайн инн», разглядывая по дороге витрины магазинов и обсуждая общих знакомых. Динне всегда было легко болтать с Ким, а краткие периоды молчания оставляли ее наедине со своими мыслями. Она задумалась о неизвестной ей картине Уайета, которая, по словам Бена, у него есть. Действительно ли он владеет подлинником или он говорил о репродукции? И имеет ли это вообще какое-то значение? Поразмыслив, Динна пришла к выводу, что нет, не имеет.

– Что-то ты сегодня непривычно тихая, – заметила Ким, когда они заканчивали обедать. – Устала?

– Немного.

– Думаешь о Марке?

Динна выбрала самый легкий ответ:

– Да.

– Он обещал позвонить из Афин?

– Когда будет возможность. Из-за разницы во времени это не так просто сделать.

Наверное, из-за той же разницы во времени Марк сейчас казался Динне бесконечно далеким. С его отъезда прошло всего два дня, а для нее он словно остался где-то в другой жизни. А может быть, это поездка в Кармел так на нее подействовала. Дома, где в шкафах висит одежда Марка, на полках стоят его книги, где она может лечь на его половину кровати, он кажется гораздо ближе.

– Расскажи про клиента, с которым ты завтра встречаешься. Какой он?

– Пока не знаю, я его никогда не видела. Он торгует произведениями искусства. Я как раз собиралась спросить, не хочешь ли ты пойти со мной на эту встречу. Думаю, тебе будет интересно побывать в его доме. Я слышала, что в его, как он выражается, «коттедже» великолепная коллекция картин.

– Я не хочу путаться у тебя под ногами.

– Ерунда, ты мне не мешаешь, – заверила Ким.

Женщины расплатились по счету и вышли из ресторана. В гостиницу вернулись уже в половине двенадцатого. Динна устала и с удовольствием забралась под одеяло.

Во сне ей приснился незнакомец по имени Бен.

Динна лежала на спине, сонно раздумывая, пора ли уже вставать или можно еще поваляться, когда в ее номере зазвонил телефон. Накануне она пообещала Ким, что пойдет с ней на встречу с клиентом, но сейчас у нее было большое искушение остаться в номере и поспать еще. А после можно было бы прогуляться по пляжу – эта мысль казалась Динне особенно заманчивой. Она понимала, почему ей хочется вернуться на берег, и то обстоятельство, что Бен так прочно запал ей в душу, ее тревожило. Вероятно, она его больше не увидит. А если увидит? Что тогда?

Телефон продолжал звонить, Динна дотянулась до тумбочки и взяла трубку.

– Вставай и сияй. – Это была Ким.

– Который час?

– Пять минут десятого.

– Не может быть. У меня такое чувство, будто сейчас семь или восемь.

– Нет. И между прочим, моя встреча с клиентом назначена на десять. Вставай, а я принесу тебе завтрак.

– Разве я не могу заказать завтрак в номер?

– Это тебе не отель «Ритц». Я принесу тебе кофе и датское пирожное.

Динна привыкла путешествовать с Марком и только сейчас внезапно поняла, какой она стала избалованной. Ей стало трудно обходиться и без Маргарет, без ее первоклассных завтраков.

– Хорошо, это меня устраивает. Я буду готова через полчаса.

Динна приняла душ, уложила волосы и надела белые слаксы и кашемировый свитер сочного василькового цвета. К тому времени, когда Ким постучала в дверь, Динна даже ухитрилась выглядеть свежей и оживленной.

– Черт, ты выглядишь просто потрясающе!

Ким протянула подруге чашку с горячим кофе и тарелку.

– Ты тоже, – ответила Динна. – У тебя очень солидный вид, может, мне тоже надо переодеться во что-нибудь более деловое? – Ким была в белом габардиновом костюме, шелковой блузке цвета хурмы и маленькой соломенной шляпке, под мышкой она держала небольшую соломенную сумочку. – Ты очень элегантна.

– Тебя это удивляет? – Ким улыбнулась и плюхнулась в кресло. – Надеюсь, клиент окажется сговорчивым. В субботу утром мне совсем не хочется вести деловые споры.

Дождаясь, пока Динна позавтракает, Ким зевнула.

– Между прочим, как ты собираешься меня представить? – поинтересовалась Динна с озорным блеском в глазах. – Как твою секретаршу или, может, компаньонку?

– Ни то, ни другое. Ты будешь просто моей подругой.

– А твоему клиенту не покажется странным, что ты привела на деловую встречу подругу?

– Надеюсь, что нет. – Ким снова зевнула и встала. – Нам пора.

– Слушаюсь, мэм.

Дорога заняла не больше пяти минут, Ким вела машину, а Динна читала ей по бумажке, как ехать. Нужный им дом стоял на приятной улочке, где все дома располагались в некотором отдалении от проезжей части и были скрыты деревьями. Но когда Динна вышла из машины, то смогла рассмотреть дом. Он был небольшой и очень симпатичный, без малейшей вычурности или претенциозности. Этот дом, казалось, был открыт всем ветрам и очень естественно вписывался в пейзаж. Перед домом стоял черный иностранный автомобиль, скорее практичный, чем красивый. Ничто не давало повода предположить, что обещанная коллекция произведений искусства окажется редкой или хотя бы заслуживающей внимания. Однако внутри

дом производил совсем другое впечатление. Дверь открыла невысокая аккуратная женщина в переднике, по-видимому, экономка. У нее был вид приходящей работницы – скорее деловой, чем домашний.

– Мистер Томпсон просил вас подождать его в кабинете. Сам он наверху, говорит по телефону. С Лондоном, – добавила она неодобрительно, словно считала международные телефонные разговоры возмутительным расточительством.

«Но никакие телефонные звонки не сравнятся по цене со стоимостью картин, которые висят на стенах», – подумала Динна. Она с благоговением взирала на них, пока экономка провожала ее и Ким в кабинет. Хозяин дома собрал действительно прекрасную коллекцию английской и ранней американской живописи. Если бы сама Динна собирала коллекцию, она не выбрала бы ни одну из этих картин, однако смотреть на них ей было очень приятно. Ей хотелось задержаться и рассмотреть картины получше, но женщина в переднике быстро и решительно шагала вперед. Приведя гостей в кабинет, она строго посмотрела на них и, пробурчав «садитесь», ушла продолжать свои дела.

– Господи, Ким, ты видела, какие у него картины?

Кимберли усмехнулась:

– Я же говорила, что у него есть прекрасные вещи. Не в моем, правда, вкусе, но есть несколько очень хороших работ. Хотя, строго говоря, это не совсем его картины. – Динна вопросительно подняла брови. – Он владеет двумя галереями, одна находится в Сан-Франциско, другая в Лос-Анджелесе. Я подозреваю, что некоторые из работ позаимствованы из этих галерей. Но, черт побери, коллекция действительно прекрасная.

Динна быстро кивнула и стала осматриваться дальше. В комнате, где они сидели, было панорамное окно с видом на море. Об обстановке можно было сказать примерно то же, что и о внешнем облике дома и о машине владельца: скорее практично, чем впечатляюще. В кабинете стояли простой сосновый письменный стол, два дивана и стул. Но коллекция картин с лихвой компенсировала скромность обстановки. Даже в кабинете висели в хороших рамах два прекрасных черно-белых наброска. Динна наклонилась ближе, потянулась вперед, чтобы рассмотреть подписи, потом повернулась и посмотрела на единственную картину, висевшую позади нее. Эта картина была единственным украшением голой белой стены. Повернулась – и ахнула. Тот самый Уайет. На песчаной дюне сидит женщина, положив голову на согнутые колени, ее лицо частично скрыто от зрителя. Теперь Динна и сама видела, что женщина на картине поразительно похожа на нее! Цвет волос, их длина, форма плеч, смутная улыбка на губах – похоже все. Пустынный песчаный берег казался сырым и унылым, единственным живым существом, кроме женщины, была одинокая чайка над водой. Динна не успела ничего сказать о картине – позади нее раздался мужской голос:

– Доброе утро, мисс Хаутон. Я – Бен Томпсон.

Динна перевела взгляд и удивленно посмотрела на хозяина дома. В его глазах читался невысказанный вопрос, и она поспешно покачала головой, показав на подругу. Ким шагнула навстречу хозяину, улыбнулась и протянула руку:

– Кимберли Хаутон. А это моя подруга, Динна Дюра. Мы так много слышали о вашей коллекции, что я не удержалась и привела Динну с собой. Между прочим, она и сама талантливая художница, хотя и не признает этого.

– Да ну, ерунда.

– Вот видите!

Ким смотрела на стоящего перед ними мужчину, и ей нравилось то, что она видела. Бену Томпсону можно было дать около сорока лет, и у него были на редкость красивые глаза.

Динна улыбнулась обоим и замотала головой:

– Ким преувеличивает.

– А как вам нравится мой Уайет?

Бен посмотрел Динне в глаза, и в ее сердце что-то дрогнуло.

– Я... картина прекрасная. Но вы это и без меня знаете – Динна почувствовала, что краснеет. Она не знала, что сказать, как вести себя с Беном. Дать понять, что они уже встречались? Или сделать вид, что встречи на пляже не было? Как поведет себя он?

– Но все-таки вам она нравится?

Бен все еще смотрел Динне в глаза, и под его взглядом ей стало жарко.

– Да, очень.

Бен кивнул, довольный ее ответом. И тут Динна поняла, что он ни словом не обмолвился о вчерашнем вечере на пляже. Когда они сели, Динна все еще продолжала улыбаться. Было странно сознавать, что у них с Беном есть общий секрет, и еще более странным было сознание, что она познакомилась с «новым клиентом» Ким раньше самой Ким.

– Не желаете ли кофе, дамы?

Ким и Динна кивнули. Бен вышел в коридор и позвал экономку.

– Пожалуйста, два черных, один средний. – Вернувшись в кабинет, Бен добродушно усмехнулся: – Наверняка все три кофе будут или средними, или черными. Миссис Мичем его не одобряет. То есть она вообще ничего не одобряет: ни кофе, ни посетителей, ни меня. Но зато я могу доверить ей уборку дома в мое отсутствие. Правда, она считает, что все это – форменное безобразие.

Широким взмахом руки Бен включил в определение «безобразие» и Уайета, и наброски, и картины, которые они видели по дороге в кабинет. Ким и Динна дружно рассмеялись. Экономка принесла кофе. Во всех трех чашках он оказался черным.

– Отлично. Спасибо.

Когда экономка уходила, Бен улыбнулся ей мальчишеской улыбкой.

– Мисс Хаутон...

– Прошу вас, зовите меня Кимберли.

– Хорошо. Кимберли, вы видели рекламу, которую мы давали в прошлом году? – Ким кивнула. – Что вы о ней скажете?

– Мне кажется, ей не доставало стиля. И подход был не совсем правильный. Она была направлена не на ту целевую аудиторию, которая вам нужна.

Бен кивнул. Он говорил с Ким, но его взгляд то и дело возвращался к Динне. А Динна смотрела на картину Уайета у Бена за спиной и не могла насмотреться. Когда Бен смотрел на Динну, по его взгляду было невозможно прочесть его мысли. А по тому, что он говорил Кимберли, стало ясно, что этот человек знает, чего хочет. Бен был проницателен, остроумен, быстро соображал и обладал отличной деловой хваткой, в результате чего их встреча закончилась меньше чем через час. Ким пообещала через две недели представить ему несколько свежих идей рекламной кампании.

– Динна будет вас консультировать?

Динна не поняла, шутит Бен или говорит серьезно. Она отрицательно покачала головой и, протягивая ему руку для рукопожатия, рассмеялась:

– Господи, конечно, нет, я понятия не имею, откуда Ким берет свои волшебные идеи.

– Все очень просто, – усмехнулась Ким, – кровь, пот и много-много черного кофе.

Бен снова посмотрел на Динну теплым взглядом, который она хорошо запомнила со вчерашнего вечера.

– Что вы рисуете?

Она ответила очень мягко:

– Натюрморты, портреты девушек – обычные сюжеты импрессионистов.

– А матерей с маленькими детьми на руках?

Во взгляде Бена сквозила насмешка, но это была добрая насмешка.

– Только однажды.

Когда-то Динна нарисовала автопортрет с Пилар. Ее свекровь повесила картину в своей парижской квартире и все последующие десять лет не обращала на нее никакого внимания.

– Мне бы хотелось увидеть ваши работы. Вы где-нибудь выставляетесь?

Снова ни малейшего намека на вчерашний разговор. Динна могла только гадать, почему Бен так себя ведет.

– Нет. Я много лет не выставляла свои работы. Я к этому не готова.

– А вот это, выражаясь языком вашей экономки, безобразие. – Ким посмотрела сначала на Бена, потом на Динну. – Тебе бы стоило показать ему некоторые работы.

– Не говори ерунды.

Динна почувствовала себя неловко и отвела взгляд. Она уже много лет никому не показывала своих работ, их видели только Марк и Пилар, да время от времени Ким.

– Может быть, когда-нибудь и покажу, только не сейчас. Но все равно спасибо.

Динна улыбкой поблагодарила Бена не только за внимание, но и за молчание. Ее удивляло, что он тоже предпочел умолчать об их знакомстве на пляже.

Встреча закончилась обычным обменом любезностями и кратким осмотром коллекции Бена. Экономка, оказавшаяся в этот момент в коридоре, окинула всех троих хищным взглядом канюка. Уходя, Кимберли пообещала позвонить на следующей неделе.

В прощании Бена с Динной не было ничего необычного, его рукопожатие не было подчеркнуто сильным, во взгляде не было никакой многозначительности, лишь теплота, которую Динна замечала в его глазах и раньше. Закрывая за женщинами дверь, Бен улыбнулся им на прощание.

– Приятный мужчина, – заметила Ким, включая зажигание. Мотор недовольно заворчал. – По-моему, работать с ним будет одно удовольствие. А ты как думаешь?

Динна лишь молча кивнула. Погруженная в свои мысли, она молчала до самого отеля.

– Не понимаю, почему ты не хочешь показать ему свои работы?

Упрямство Динны всегда раздражало Ким. Из всех ее соучеников по школе искусств только Динна обладала бесспорным талантом. И только она зарыла свой талант в землю почти на двадцать лет. Все остальные пытались чего-то добиться, но в конце концов потерпели неудачу.

– Я же тебе сказала, я не готова.

– Чушь! Если ты сама ему не позвонишь, я дам ему твой телефон. Тебе давно пора что-то делать с горой шедевров, которые стоят в твоей студии, повернутые лицом к стене. Так не должно быть. Честное слово, Динна, это просто преступление. Господи, если вспомнить, какое барахло я сначала рисовала, а потом из кожи вон лезла, чтобы продать...

– Это было не барахло.

Динна смотрела на подругу с искренней теплотой, но обе знали, что картины Ким отнюдь не были шедеврами. Ким куда лучше, чем живопись, удавались броские заголовки и планирование рекламных кампаний.

– И все-таки это было барахло, но сейчас меня это не волнует. Мне нравится моя нынешняя работа. Но вот как быть с тобой?

– Мне тоже нравится то, чем я занимаюсь.

– Что же это, интересно? – Упрямство Динны начинало раздражать Ким, и это стало заметно по ее тону. Всякий раз, когда они обсуждали работу Динны, разговор кончался одинаково. – Что конкретно ты делаешь?

– Ты знаешь что. Рисую, забочусь о Марке и Пилар, веду хозяйство. Я очень занята.

– Ну да, ты заботишься обо всех. А о себе ты подумала? Тебе не приходило в голову, что, если бы ты увидела свои картины висящими в галерее или еще где-то, кроме кабинета Марка, это пошло бы тебе на пользу?

– Мне не важно, где висят мои картины. – У Динны не хватило духу признаться Ким, что они больше не висят даже в кабинете Марка. Полгода назад Марк нанял нового декоратора, а тот объявил ее работы незрелыми и депрессивными и распорядился их убрать. Марк принес картины домой – все, включая небольшой портрет Пилар, который теперь висел у них в холле. – Для меня важно писать картины, а не показывать их кому-то.

– Господи, да это же все равно что играть на скрипке без струн! Это не имеет смысла.

– Для меня имеет, – мягко, но решительно возразила Динна.

Ким только головой покачала.

Они вышли из машины и пошли к отелю.

– Ты сумасшедшая, но я все равно тебя люблю.

Динна молча улыбнулась.

Оставшееся время в Кармеле пролетело быстро, даже слишком быстро. Подруги прошли по магазинам и снова пообедали в «Пайн инн». В воскресенье днем Динна еще раз вышла прогуляться по пляжу. Теперь она знала, где живет Бен, его дом проглядывал между деревьями. Бродя по пляжу, она сознавала, что Уайет совсем близко. Но она прошла мимо. Бен ей больше не встретился, но она была раздосадована уже тем, что вообще задумывалась, встретит ли его на пляже. С какой стати ему там быть? Даже если бы они встретились снова, что бы она ему сказала? Поблагодарила бы за то, что он не рассказал Кимберли об их встрече? И что из этого? Какое это имеет значение? Динна знала, что больше не увидит Бена.

Глава 5

Телефонный звонок застал Динну в студии. Она сидела на некотором расстоянии от полотна и пыталась оценить результаты своей утренней работы. Сегодня это был натюрморт: на фоне голубого неба, видимого в открытое окно, – ваза с тюльпанами, роняющими лепестки на столик красного дерева.

– Динна?

На мгновение Динна замерла от неожиданности.

– Бен? Как вы узнали мой телефон? – Динна почувствовала, что ее щеки краснеют, и рассердилась на себя за такую реакцию. – От Ким?

– Конечно. Она заявила, что, если я не выставлю ваши картины, она откажется выполнять мой заказ.

Динна покраснела еще гуще и рассмеялась:

– Не верю, что она это сказала!

– Я пошутил. На самом деле она сказала, что вы очень хорошая художница. У меня к вам предложение: я меняю одну из картин Уайета из моей коллекции на одну из ваших собственных.

– Это безумие! Вы с ума сошли! И Ким тоже!

– Может, вы позволите мне самому об этом судить? Вы не против, если я заеду к вам сегодня в середине дня?

– Сегодня? Сейчас? – Динна посмотрела на часы, было уже около одиннадцати. Она энергично замотала головой: – Нет!

– Я понимаю. Вы не готовы. Художники никогда не бывают готовы.

Бен говорил с ней так же мягко, как тогда на пляже. Динна уставилась на телефон и еле слышно прошептала:

– Я не могу. Правда.

– Тогда завтра?

Бен говорил твердо, но не слишком напористо.

– Право, Бен, все это как-то... Я...

Прямливая нечто невразумительное, Динна замолчала и услышала смех Бена:

– Ну пожалуйста, мне очень хочется увидеть ваши картины.

– Но почему?

Спросив, Динна сразу же пожалела, вопрос показался ей глупым.

– Потому что вы мне понравились. И я бы хотел увидеть ваши работы. Все очень просто. По-моему, звучит разумно, вы согласны?

– Более или менее.

Динна не знала, что еще сказать.

– Ленч у вас занят?

– Нет.

Динна снова печально вздохнула.

– Да не вздыхайте вы так жалобно, я обещаю, что не буду метать дротики в ваши полотна. Честное слово, можете мне поверить.

Неожиданно для себя Динна поняла, что действительно ему доверяет. По-видимому, на нее повлияли его манера говорить и его взгляд, который она хорошо помнила.

– Ну хорошо, договорились. Жду вас в полдень.

Наверное, никогда еще восходящий на эшафот не произносил последнее слово с такой решимостью. Вешая трубку, Бен Томпсон улыбался.

Ровно в полдень Бен был на месте. Он привез пакет французских булочек, приличный кусок сыра бри, полдюжины персиков и бутылку белого вина.

– Сгодится в качестве ленча? – спросил он, выкладывая на стол привезенные богатства.

– Очень мило с вашей стороны, и все-таки вам не стоило приезжать. – Динна посмотрела на него в смятении. Она была в джинсах и заляпанной краской блузе, волосы ее были собраны в небрежный узел. – Терпеть не могу, когда меня ставят в неловкое положение.

Видя, что она с обеспокоенным видом наблюдает, как он выкладывает еду, Бен перестал раскладывать фрукты.

– Динна, напрасно вы так, я вовсе не хотел поставить вас в неловкое положение, мне действительно хочется увидеть ваши картины. Но мое мнение ни черта не значит. Ким сказала, что вы хорошая художница, и вы сами это знаете. На пляже вы сказали, что живопись – это ваша жизнь, а такими вещами не шутят. – Бен помолчал и добавил мягче: – В моем коттедже в Кармеле вы видели часть тех вещей, которые я люблю. Это то, чем я дорожу. А ваше искусство – это то, что важно для вас. Если вам понравится мой Уайет, я буду рад, но если не понравится, от этого он не станет нравиться мне меньше. Что бы я ни увидел, ваша работа от этого не изменится и не станет для вас менее важной. На это никто не может повлиять.

Динна молча кивнула. Она медленно подошла к стене, к которой были прислонены около двадцати полотен, скрытые от глаз, обделенные вниманием. Ни слова не говоря, Динна стала одну за другой поворачивать картины лицевой стороной, глядя только на холсты, но не на Бена. Так продолжалось до тех пор, пока Бен не сказал:

– Подождите.

Динна удивленно посмотрела на него. Он стоял, прислонившись к письменному столу, и смотрел на нее со странным выражением, которое она не смогла определить.

– Когда вы увидели моего Уайета, вы что-нибудь почувствовали?

Он испытующе всмотрелся в ее лицо. Динна кивнула:

– Я много чего почувствовала.

– Что именно?

Динна улыбнулась:

– В первый момент удивление, когда я поняла, что это ваш дом. Потом что-то вроде благоговения и радость от того, что я вижу эту картину. Женщина на картине... у меня было такое чувство, что меня к ней тянет, как будто я с ней знакома. Думаю, я почувствовала все, что Уайет хотел сказать своей картиной. На какой-то момент картина меня околдовала.

– А меня – ваши работы. Вы хотя бы отдаленно представляете себе, как много вы вложили в эти картины, вы понимаете, как они прекрасны? Вы поворачивали их одну за другой, и каждый раз что-то трогало меня за сердце. Динна, это просто фантастика, вы не представляете, как они хороши!

Бен улыбнулся, и сердце Динны вдруг забилось чаще.

– Я их люблю. Но это понятно, ведь они мои.

Динна сияла. Бен сделал ей бесценный подарок, и она знала, что он готов подписаться под каждым словом. Очень много времени прошло с тех пор, когда кто-нибудь видел результаты ее трудов – видел и проявил к ним интерес.

– Они не просто ваши, они – это вы.

Бен подошел к одному из полотен и стал внимательно его рассматривать. На картине была изображена маленькая девочка, склонившаяся над ванной, – Пилар.

– Это моя дочь.

Теперь Динна получала удовольствие от процесса, и ей самой уже хотелось показать Бену побольше.

– Прекрасная работа. Покажите мне другие.

Динна показала все. Когда показ был закончен, Динна едва не пела от ликования. Ее картины понравились Бену!

Он понял ее творчество. Ей хотелось броситься ему на шею и засмеяться во весь голос. Бен откупорил бутылку вина.

– Вы ведь понимаете, что это значит?

Динна вдруг насторожилась, правда, не очень сильно:

– Что?

– Что я теперь от вас не отстану, пока вы не подпишете контракт с моей галереей. Что вы на это скажете?

Динна широко улыбнулась, но отрицательно покачала головой:

– Я не могу.

– Почему?

– Выставки – это не для меня.

Марка бы хватил удар, если бы она решила выставяться. Он бы сказал, что это вульгарно и отдает торгашеством, хотя галерея Томпсона имела репутацию вполне респектабельной, никак не вульгарной, а семейство Бена уже много лет пользовалось уважением в мире искусства. Динна навела справки, когда вернулась из Кармела. Дед Бена владел одной из лучших галерей Лондона, у отца была галерея в Нью-Йорке. Хотя Бену было всего тридцать восемь лет, в мире искусства он получил карт-бланш. Об этом Динна тоже прочитала.

– Правда, Бен, я не могу.

– Как это не можете? Послушайте, Динна, не упрямитесь. Вам нужно приехать ко мне в галерею и осмотреться. Вы почувствуете себя увереннее, когда увидите, что у меня там выставлено.

Уговаривая Динну, Бен преобразился и вдруг показался ей таким юным, что она засмеялась. Динна знала, что хранится в его галерее – это она тоже выяснила. Писсарро, Шагал, Мэрри, Кассатт, две-три работы Ренуара, великолепный Моне, несколько работ Коро. Кроме того, в галерее было несколько хорошо спрятанных работ Поллока, Дали и Конинг, которые он выставлял очень редко. Словом, у Бена было только лучшее. Наряду с произведениями признанных мастеров были у него и тщательно отобранные работы молодых, еще неизвестных художников. Бен хотел, чтобы среди них оказались и ее работы. Могла ли Динна мечтать о большем? Но как рассказать об этом Марку? «Мне пришлось это сделать. Он меня попросил. Я хотела...»

– Нет. – Марк не поймет, да и Пилар тоже. Она решит, что ее мать выскочка и хвастунья. – Вы не понимаете.

– Тут вы правы, я действительно не понимаю.

Бен протянул Динне кусок французской булочки и сыр. Ее работы были расставлены по всей комнате, двадцать две картины, и все ему нравились. Динна взяла хлеб с сыром и улыбнулась.

– На чердаке хранится еще тридцать картин, и еще четыре – у Ким.

– Вы просто сумасшедшая.

– Ничего подобного.

Бен протянул ей персик.

– А я говорю, сумасшедшая. Однако я ничего против не имею. Но, может быть, вы придете завтра вечером на открытие новой экспозиции? В этом ведь нет ничего плохого? Или вы даже это боитесь сделать?

Бен явно ее провоцировал, и Динне это не понравилось:

– Кто вам сказал, что я боюсь?

Она откусила сочный персик и улыбнулась.

– А разве кто-то должен сказать? Просто я не вижу никакой другой причины, почему бы вам отказываться выставлять свои картины.

– Я отказываюсь, потому что это не имеет смысла.

– Это в вашем отказе нет смысла. – Их разговор мог бы походить на спор, если бы они оба не смеялись. Отчасти тому способствовало и выпитое вино. – Но, несмотря ни на что, вы мне нравитесь, – объявил Бен. – Мне нравится иметь дело с сумасшедшими вроде вас.

– Я не сумасшедшая, а просто упрямая.

– И вы выглядите точь-в-точь как женщина с картины Уайета. Вы тоже заметили сходство?

Бен поставил стакан. Его взгляд снова притягивал Динну. После короткого колебания она кивнула:

– Да, заметила.

– Только у вас я могу видеть глаза. – Бен очень долго удерживал ее взгляд, потом наконец отвел глаза. Он подумал, что у той женщины с картины глаза должны быть точно такими же. – У вас красивые глаза.

– У вас тоже.

Тихий голос Динны напомнил шорох бриза на пляже в Кармеле, и оба вспомнили вечернюю прогулку. Некоторое время Бен молчал, рассматривая ее картины.

– Вы сказали, что это ваша дочь. Это правда?

Он посмотрел на Динну, ему хотелось узнать о ней больше.

– Да, ее зовут Пилар, ей скоро исполнится шестнадцать. Она очень хорошенькая, гораздо красивее, чем на картинах. Я нарисовала несколько ее портретов.

Динна с грустью подумала о портрете, высленном декоратором из кабинета Марка в холл.

– Некоторые из них довольно неплохи.

Теперь Динна чувствовала себя с Беном непринужденно и могла открыто признать, что ей нравится собственная работа.

– Где она сейчас? Дома?

– Нет. – Динна посмотрела на Бена долгим взглядом. – Она улетела на юг Франции. Ее... мой муж француз.

Динне хотелось сказать, что Марк тоже в отъезде, что он в Греции, но ей почему-то казалось, что это будет предательством с ее стороны. С какой стати рассказывать Бену, что Марка нет? Разве ей что-нибудь нужно от этого мужчины? Он уже сказал, что ее работы ему нравятся, чего ей еще желать? Динне хотелось спросить Бена, женат ли он, но ей казалось, что это тоже будет неправильно. Его семейное положение не должно ее касаться. Он пришел сюда только ради ее картин, и то, что его глубокие глаза цвета морской волны смотрят на нее с бесконечной добротой, не имеет никакого значения.

– Знаете... – Бен с сожалением посмотрел на часы. – Мне очень жаль, но я должен ехать на работу. В три часа у меня встреча в офисе.

– В три? – Динна посмотрела на часы. Два сорок пять. – Уже так поздно? Удивительно, как быстро пролетело время.

Впрочем, они просмотрели большую часть ее картин. Динна встала и виновато посмотрела на Бена.

– Так вы придете завтра на вернисаж?

Взгляд Бена говорил, что он очень хочет, чтобы она пришла. Но почему? Ответа Динна не знала.

– Я постараюсь.

– Пожалуйста, Динна, прошу вас. Мне очень хочется, чтобы вы пришли.

Бен быстро дотронулся до ее руки, улыбнулся, еще раз окинул студию одобрительным взглядом, вышел за дверь и стал спускаться по лестнице.

– Можете меня не провожать, я найду дорогу. До завтра!

Шаги Бена стихли, Динна села в мягкое кресло и огляделась. Среди картин было четыре или пять портретов Пилар, но ни одного портрета Марка. На какое-то мгновение Динну охватила паника: ей показалось, что она не может вспомнить лицо мужа.

Глава 6

Динна приехала на темно-синем «Ягуаре». Поставив машину через дорогу от галереи, она медленно перешла улицу. Хотя она и приехала, у нее до сих пор не было уверенности, что это разумно, что она поступает правильно. Что это целесообразно.

А вдруг Ким тоже придет? Тогда она почувствует себя глупо. А что, если... но, вспомнив глаза Бена, Динна решительно толкнула тяжелую стеклянную дверь.

Гостей приветствовала миловидная молодая женщина, недалеко от нее стояли два бармена в черных костюмах, один предлагал виски, другой – шампанское. Судя по внешнему виду гостей, все они были либо знатоками искусства, либо художниками. Динна быстро сориентировалась и поняла, что в галерее выставлены работы одного пожилого художника. Он стоял с гордым видом победителя в окружении друзей. В картинах, развешенных очень удачно, чувствовалось влияние Ван Гога. Наконец Динна увидела Бена, он разговаривал с несколькими гостями в дальнем от входа углу зала. Темно-синий костюм в тонкую полоску был ему очень к лицу. Увидев Динну, Бен улыбнулся, извинился перед собеседниками и направился в ее сторону. В считанные секунды он оказался рядом с ней.

– Все-таки пришли? Я рад.

Некоторое время они молча смотрели друг на друга, и Динна улыбнулась – не могла не улыбнуться, потому что была очень рада снова увидеть Бена.

– Хотите шампанского?

– Да, спасибо.

Услужливый бармен тут же вручил Динне фужер. Бен мягко взял ее за локоть.

– Давайте пройдем в мой кабинет, я хочу вам кое-что показать.

– Гравюры? – Динна покраснела и рассмеялась. – Ох, извините, мне не следовало так говорить.

– А почему бы и нет? – Бен тоже засмеялся. – Но я хотел показать не гравюры, а небольшую картину Ренуара. Я купил ее вчера вечером.

– Господи, где же вы ее купили?

Бен провел Динну по длинному коридору, застланному бежевой ковровой дорожкой.

– Я приобрел Ренуара в частной коллекции, у одного славного старика. Он говорит, что эта картина ему никогда не нравилась. Мне страшно повезло, я купил ее за смешную цену.

Бен открыл ключом дверь кабинета и быстро вошел внутрь. Динна увидела небольшую картину, прислоненную к стене. Изображение обнаженной женщины было выполнено в очень характерной для художника манере, и для того, чтобы узнать автора, не нужно было даже смотреть на подпись.

– Хороша, правда?

Бен смотрел на картину, как гордый отец на новорожденного ребенка, глаза его так горели, что Динна невольно улыбнулась:

– Чудо как хороша.

– Спасибо.

Бен пристально посмотрел на Динну, казалось, он хотел еще что-то добавить, но передумал. Момент напряжения прошел, Бен улыбнулся и посмотрел в другую сторону, жестом предлагая Динне последовать его примеру. Над письменным столом висело еще одно полотно Эндрю Уайета, эту картину Динна хорошо знала.

– Эта вещь мне тоже нравится, но не так, как та, другая.

– Мне тоже женщина на берегу нравится больше.

Уайет напомнил обоим о Кармеле, и они задумчиво замолчали. В это время в дверь кто-то постучал. В кабинет заглянула та самая молодая женщина, которая приветствовала гостей при входе. Она поманила Бена.

– В чем дело, Салли? Ах да, позволь тебе представить Динну Дюра. Она будет одним из наших новых художников.

Салли посмотрела на Динну с большим интересом, подошла ближе, пожала ей руку и широко улыбнулась:

– Отличная новость!

Динна со смущенной улыбкой быстро посмотрела на Бена.

– Минуточку-минуточку, я ничего подобного не обещала!

– Пока нет, но я очень надеюсь, что вы согласитесь. Салли, объясни, что у нас замечательная галерея, что мы никогда не обманываем художников, никогда не вешаем их картины вверх ногами и не подрисовываем обнаженным женщинам на картинах усы.

Динна засмеялась и покачала головой:

– В таком случае ваша галерея мне не подходит. Я давно мечтаю увидеть одну из моих ню с усами, а пририсовать их самой не хватает смелости.

Бен тоже улыбнулся:

– Ну, тогда мы сделаем это исключительно для вас. Все трое вышли в коридор и направились обратно в зал.

Бен спросил у Салли, зачем она его вызвала. Оказалось, что среди посетителей вернисажа было уже трое потенциальных покупателей, и Салли пришла, чтобы обсудить с Беном цену одной из картин. Художник запросил больше, чем было оговорено.

– Но он же согласился на нашу цену! Ладно, я ему скажу, что мы повысим цену на что-нибудь другое. Ох уж этот Густав, я с ним совсем поседею.

– Не говоря уже обо мне, – поддержала его Салли. Она с улыбкой показала на свою платиновую гриву и растворилась в толпе. Бен стал знакомить Динну с гостями, художниками и коллекционерами. Неторопливо прохаживаясь по галерее, Динна с удивлением поняла, что чувствует себя здесь совершенно непринужденно. Ее удивило, что среди гостей не видно Ким, и она спросила о ней Бена, когда тот снова подошел:

– Я думала, Ким тоже здесь будет. Она не пришла?

– Нет. Наверное, ломает голову над новой рекламой йогурта. Если честно, то я даже рад, что она нам не мешает. Да и вообще, пусть поскорее закончит с йогуртом, чтобы он потом не отвлекал ее от искусства. Вы со мной согласны?

Динна улыбнулась. Бен протянул ей новый фужер шампанского.

– Знаете, – продолжал он, – я очень доволен вчерашним днем. Ваши работы необыкновенно хороши. Предупреждаю, я от вас не отстану, пока вы не согласитесь выставляться у нас.

Динна поднесла к губам шампанское и улыбнулась поверх фужера. Возразить она не успела – к Бену подошли несколько коллекционеров, которые хотели с ним поговорить. Бен был занят с ними почти до девяти часов.

Динна медленно расхаживала по галерее, наблюдая за потенциальными покупателями и восхищаясь работами Густава. Перед одной из картин она задержалась и, рассматривая ее, услышала прямо за своей спиной знакомый голос. Удивленная, Динна обернулась.

– Изучаете технику, Динна?

– Джим? – Она встретила взглядом со смеющимися глазами ирландца. – Что вы здесь делаете?

– Не спрашивайте. Наверное, набираюсь культуры. – Он неопределенно махнул рукой в сторону группы мужчин у входа. – Это они меня притащили, но только после того, как хорошенько напоили.

– Узнаю истинного ценителя искусства.

Динна улыбнулась Джиму своей обычной дружеской улыбкой, но в глубине души она почувствовала какое-то смутное беспокойство. Ей не хотелось видеть здесь Джима Салливана, ведь она пришла, чтобы встретиться с Беном... неужели? Динна и сама толком не знала, ради чего она пришла: только чтобы увидеть галерею или чтобы встретиться с Беном. Но она боялась, что Джим поймет то, чего она еще сама не понимает, что он прочтет что-то новое в ее лице, в ее глазах, в ее душе. Она поспешно перевела разговор на привычную тему:

– Марк вам не звонил?

После едва заметной паузы Джим осторожно спросил:

– А вам?

Динна отрицательно покачала головой:

– Нет. На следующий день после его отъезда я получила от него телеграмму, что он не смог позвонить из-за разницы во времени, а потом я на все выходные уезжала в Кармел. С Ким, – зачем-то торопливо добавила Динна. – Может быть, он пытался позвонить, когда меня не было дома. Сейчас он, наверное, уже в Афинах.

Салливан кивнул и покосился в сторону компании, с которой пришел. Проследив направление его взгляда, Динна заметила сногшибательно красивую девушку с каштановыми волосами. На девушке было вечернее платье из переливающейся серебристой ткани. Динна догадалась, что это и есть фотомодель Джима.

– Да, наверное, – сказал Джим. – Ну, мне пора. – Джим сделал движение, чтобы на прощание чмокнуть Динну в щеку, но в последний момент словно передумал и отстранился, чтобы посмотреть на нее еще раз. – Не хотите пойти с нами пообедать?

Динна не раздумывая мотнула головой:

– Нет, я никак не могу, мне нужно домой... правда. Но все равно спасибо за приглашение.

Господи, ну почему она чувствует себя так неловко? Ей же нечего скрывать. Но кажется, Джим не заметил в ее поведении ничего необычного. Да и с какой стати, разве в ней что-нибудь изменилось?

– Точно не пойдете?

– Точно.

– Ну ладно. Я вам позвоню.

Он быстро поцеловал ее в щеку и пошел к своим друзьям. Вскоре вся компания ушла. Динна с отсутствующим видом посмотрела им вслед. Джим так и не сказал, звонил ему Марк или нет. Он ответил на ее вопрос встречным вопросом – спросил, не звонил ли Марк ей. Интересно почему?

– Динна, что-то у вас очень серьезный вид. Задумались, стоит ли подписывать с нами контракт?

В заговорщическом шепоте Бена слышались насмешливые нотки, и Динна с улыбкой повернулась к нему. Она не слышала, как он подошел.

– Нет, я думала о том, что мне пора домой.

– Уже? Но еще совсем рано. К тому же вы не ели. – Бен помолчал. – Может быть, мне удастся соблазнить вас обедом? Или ваш муж будет против?

– Вряд ли, он уехал на все лето в Грецию. – Взгляды Динны и Бена встретились. – А обед... это звучит заманчиво.

«Действительно, почему бы и нет?» Динна улыбнулась и усилием воли выбросила из головы Джима Салливана.

Бен знаком дал Салли понять, что уходит. Не привлекая к себе внимания оставшихся гостей, Бен и Динна вышли из галереи на улицу. В воздухе висел прохладный туман.

– Сан-Франциско иногда напоминает мне Лондон, – заметил Бен. – В детстве я бывал там в гостях у деда. Он был англичанином.

Бен говорил так, как будто его дед был неким никому не известным человеком. Динна засмеялась:

– Я знаю.

– Вы приехали на своей машине?

– Да.

Динна кивком показала на синий «Ягуар».

– Вот это да! Я потрясен. А я езжу на старом немецком драндулете такой марки, о которой здесь никто и не слышал. Но он благополучно доставляет меня куда нужно и жрет совсем мало бензина. Вам не будет стыдно, если вас увидят в таком непрезентабельном автомобиле? Или нам лучше поехать на вашем «Ягуаре»?

На какое-то мгновение Динне стало неловко, что она приехала на машине Марка, но она всегда брала его «Ягуар», когда ей нужно было отправиться куда-то вечером, и это вошло у нее в привычку.

– Я бы лучше поехала на вашей.

– «Л’Этуаль»? – Бен неуверенно назвал шикарный ресторан, прошупывая почву.

– Пожалуй, я бы предпочла место попроще, под стать вашей машине. Чтобы было без претензий и не шумно. – Бен одобрительно улыбнулся, и Динна засмеялась. – Мне кажется, вы терпеть не можете выставлять что-то напоказ. Кроме предметов искусства, конечно.

– Точно. К тому же я подозреваю, что, если в один прекрасный день я подъеду к дому на «Роллс-Ройсе», моя экономка тут же уволится. Она и так уж возмущена всем этим «безобразием», которое висит у меня на стенах. Как-то я повесил было прекрасную французскую ню, так она ее сняла, как только я уехал из Кармела. Вернувшись домой, я нашел картину завернутой в простыню. Пришлось увезти ее обратно в город.

Динна снова рассмеялась. Бен отпер машину и галантно распахнул перед дамой дверцу.

Он привез Динну в итальянский ресторанчик, спрятавшийся в тихом переулке недалеко от залива. Большую часть обеда они говорили об искусстве. Динна рассказывала о времени, когда они с отцом колесили по Европе и Америке, жадно пожирая сокровища каждого музея, который попадался им по пути. Бен рассказал, как учился сначала у деда, потом у отца, перенимая их знания в области искусства, как посещал вместе с ними знаменитые аукционы в Лондоне, Париже и Нью-Йорке.

– Признаться, я никогда не думал, что войду в этот бизнес, – закончил он.

– Но почему?

– Мне хотелось заниматься чем-нибудь поинтереснее. Например, стать шпионом или участвовать в родео. О том, чтобы стать шпионом, я мечтал лет до девяти, но дед заявил, что это нереспектабельное занятие. Честно говоря, иногда я сомневаюсь в респектабельности и нашего бизнеса. Когда я поступил в колледж, мне хотелось стать кем-то вроде детектива, точнее специалистом, который распознает подделки картин. Некоторое время я даже занимался этим, но почему-то очень часто я не мог распознать фальшивки. Надеюсь, сейчас я стал разбираться в искусстве лучше.

Динна улыбнулась. Если судить по тому, что она видела в галерее и в доме Бена в Кармеле, в искусстве он действительно разбирается.

– Скажите, сколько лет вы замужем? – вдруг спросил Бен.

Столь личный вопрос, да еще и заданный так неожиданно, удивил Динну. До сих пор он ни о чем таком не спрашивал.

– Восемнадцать лет. Я вышла замуж, когда мне было девятнадцать.

– Значит, вам...

Бен изобразил, будто считает на пальцах. Динна засмеялась:

– В ноябре исполнится ровно сто лет и три года.

Он нахмурился:

– Неправильно, у меня получается сто два.

– Ну и хорошо. А вы? Вы когда-нибудь были женаты?

– Один раз и недолго. – Бен отвел взгляд. – Боюсь, что в людях я тоже не очень-то умею распознавать фальшивки. Она мастерски водила меня за нос, а я был совершенно счастлив. А потом все кончилось.

Он улыбнулся и снова встретился взглядом с Динной.

– У вас не было детей?

– Нет. Это единственное, о чем я жалею. Мне бы хотелось иметь сына.

– Мне тоже.

Уловив в голосе Динны грустные нотки, Бен всмотрелся в ее лицо.

– Но у вас есть прекрасная дочь.

– У меня было еще два сына, но оба умерли сразу после рождения.

Это было слишком серьезное и важное сообщение, совсем неподходящее для застольной беседы с малознакомым мужчиной. Но Бен только всмотрелся в ее глаза – и прочел в них то, что хотел узнать.

– Мне очень жаль.

– Мне тоже было жаль. А потом, когда родилась Пилар, для нас это было чем-то вроде удара. Во французских семьях, знаете ли, новорожденных девочек не встречают аплодисментами.

Казалось, Бена ее слова позабавили.

– А вам нужны были аплодисменты?

– Как минимум. – Динна наконец улыбнулась. – Но лучше литавры. И военный парад.

– Вас трудно в том упрекнуть. Пилар была третьим ребенком? – Динна кивнула. – Вы с ней очень близки?

Бен думал, что мать и дочь должны быть близки, и очень удивился, когда услышал, что это не так.

– Сейчас – нет, но когда-нибудь мы снова станем ближе. Сейчас же Пилар разрывается между двумя культурами, она ведь и американка, и французка. Иногда ей приходится тяжело.

– Быть пятнадцатилетним вообще нелегко. – Бен с содроганием вспоминал, какой была в этом возрасте его сестра. – Она похожа на вас?

Он не настолько хорошо разглядел девочку на картинах Динны, чтобы судить, насколько они похожи.

– Нисколько. Пилар – копия отца. Она очень хорошенькая.

– Как и ее мать.

Динна помолчала, потом улыбнулась и сказала:

– Благодарю вас, сэр.

Разговор снова перешел на темы искусства. Бен старался не касаться болезненных или слишком личных вопросов, но временами Динна не была уверена, что он ее слушает. Казалось, он постоянно наблюдает за ней и глазами говорит совсем не то, что языком. Они засиделись допоздна, в полночь ресторан стал закрываться, и их попросили уйти.

Бен привез Динну снова к тому месту, где стоял ее «Ягуар». Выходя из машины, Динна улыбнулась:

– Я чудесно провела вечер.

– Я тоже.

Больше Бен ничего не добавил. Включая зажигание, Динна посмотрела на него в зеркало заднего вида. Бен помахал рукой, повернулся и пошел к своей машине, засунув руки в карманы и опустив голову, словно в задумчивости.

* * *

Поздно ночью, когда Динна уже легла в кровать и выключила свет, раздался телефонный звонок. Ей не хотелось брать трубку, но короткие частые гудки указывали на то, что звонок междугородный.

– Динна? – звонил Марк.

– Здравствуй, дорогой, ты где?

– В Риме. Если я тебе понадоблюсь, я в отеле «Хасслер». У тебя все в порядке?

Связь была очень плохая, и голос Марка был едва слышен.

– У меня все хорошо. Как ты оказался в Риме?

– Что? Я тебя не слышу...

– Я спросила, почему ты в Риме?

– Я здесь по делу Салко. Но в эти выходные я смогу навестить Пилар.

– Передай ей от меня привет.

Динна сидела на кровати, не зажигая света. Чтобы Марк ее расслышал, ей приходилось кричать.

– Я тебя не слышу!

– Я сказала, передай ей привет и скажи, что я ее люблю!

– Хорошо. Непременно. Тебе хватает денег?

– Да, хватает.

Некоторое время в трубке был слышен только треск, потом Динна расслышала голос, но разобрать слова было невозможно.

– Я тебя люблю!

По какой-то необъяснимой причине Динна испытала острую потребность сказать Марку эти слова и услышать от него в ответ то же самое. Ей нужно было почувствовать связь с ним, но Марк, казалось, был бесконечно далек.

– Марк, я тебя люблю!

Сама не зная почему, Динна вдруг заплакала. Ей очень хотелось, чтобы Марк ее услышал, и хотелось услышать его ответное признание.

– Я тебя люблю!

– Что?

Связь оборвалась.

Динна быстро набрала номер международного оператора и попросила соединить ее с Римом. Однако дозвониться до отеля «Хасслер» удалось только через двадцать минут. Наконец в трубке послышалось быстрое: «Pronto»⁴. Динна попросила портъё соединить ее с номером синьора Дюра. В трубке раздались гудки, но никто не отвечал. В Риме было уже десять утра. Наконец Динна снова услышала голос портъё:

– К сожалению, синьор Дюра уже ушел.

Динна вернулась в кровать и стала вспоминать вечер с Беном.

⁴ Аллю (*ит.*).

Глава 7

Марк-Эдуард Дюра неторопливо шел по виа Венето в Риме, посматривая на витрины магазинов и иногда бросая восхищенный взгляд на очередную проходящую красотку. Стоял прекрасный солнечный день, многие женщины были в топиках на тонких бретельках и белых юбках, льнувших к стройным ногам, босоножки на босу ногу позволяли видеть пальцы на ногах с красным лаком на ногтях. Марк шел, зажав под мышкой портфель, и улыбался своим мыслям. Приезжать в Рим на столь короткое время было не очень-то практично, но он рассудил: почему бы и нет? Тем более он пообещал. Пообещал. Иногда Марк сам удивлялся, как легко с его губ слетают обещания, но что сделано, то сделано.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.